

ФИЛИП ЖИСЕ

ОКЕАН

БЕЛЫЕ КРЫЛЬЯ НАДЕЖДЫ

Филип Жисе

Океан. Белые крылья надежды

«Accent Graphics communications»

2015

Жисе Ф.

Океан. Белые крылья надежды / Ф. Жисе — «Accent Graphics communications», 2015

Фотография в портмоне и клочок волос любимой в кармане. Что еще необходимо, чтобы оставить такой привычный уют и комфорт и отправиться в неизвестность на поиски любимой? Пожалуй, только надежда. Нет. Капелька надежды. Этого оказывается достаточно, чтобы изменить жизнь, направив судьбу в противоположном направлении... Авиакатастрофа, голод, жажда, бесконечное плавание на утлом суденышке по просторам бескрайнего океана в ожидании скорой смерти, лелея пустые надежды на появление спасателей, помощь бога и благоволение судьбы. Разве может быть что-либо ужаснее всего этого? Возможно, необитаемый остров, затерянный в океане, и перспектива провести на нем остаток жизни...

© Жисе Ф., 2015

© Accent Graphics
communications, 2015

Содержание

Глава 1	5
Глава 1	14
Глава 2	21
Глава 2	30
Глава 3	37
Глава 3	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Филип Жисе

Океан: Белые крылья надежды

*Если ты не готов совершать безумства ради женщины,
значит это не твоя женщина. Ищи свою.
Сила твоего безумства пропорциональна силе твоей любви*
Филип Жисе

Глава 1

Ангелика

Ангелика сидела на берегу, спрятавшись в тени большой кокосовой пальмы, и наблюдала за Алессандро. Тот поднял с земли сверток – завернутый в одеяло труп дочери, захватил нож-мачете и направился вдоль берега, оставляя за собой ровную цепочку следов на песке.

– Куда этот ненормальный пошел? – Винченцо перестал елозить спиной по земле и посмотрел вслед Алессандро.

– Оставь его в покое, – сказала синьора Полетте, рассматривая кокосовый орех в руках. – Пошел дочь хоронить. Не иначе. Господи, дай ее душе успокоение вдали от отца... Возьми лучше, открой мне этот орех, – синьора Полетте протянула кокос Винченцо. – Алессандро говорил, там внутри молоко.

– Кокосовое, – донеслось с берега, где Эбигейл плескалась в полосе прибоя. – И мне тоже один.

Винченцо взял из рук синьоры Полетте кокос, посмотрел на обнаженную Эбигейл в воде, осклабился, облизал сухие губы.

– А что взамен получу?

– Спасибо, – донеслось с берега.

– Засунь его себе в... – улыбка исчезла с лица Винченцо, когда он встретился взглядом с Кирком.

Кирк сидел в одних трусах на песке, прислонившись спиной к стволу пальмы, и смотрел на него, сузив глаза. Мотнул головой, когда поймал взглядом взгляд Винченцо, кивнул в сторону Эбигейл.

– Fottiti¹, – плюнул Винченцо и отвел взгляд. – И что мне делать с этим? – Винченцо подбросил кокос, поймал, повернул голову к синьоре Полетте.

– Открыть. Что же еще с ним делать?

– И чем мне его открывать? Зубами? Нож тот идиот забрал, – Винченцо кивнул в сторону Алессандро, успевшего скрыться за поворотом.

– У нас же были еще ножи, разве нет?

– Консервные, но ими вы и черепную коробку себе не вскроете, – Винченцо хохотнул, поднялся с земли, потянулся, затем посмотрел по сторонам, увидел пальму в пяти метрах от лагеря и двинул к ней. Остановился в двух метрах от пальмы, ухмыльнулся, размахнулся и запустил кокосом в ствол. Пальма вздрогнула, вверху что-то зашуршало. Винченцо не успел глазом моргнуть, как рядом на песок упали два кокоса, едва не стукнув его по голове.

Ангелика хихикнула. Кирк расхохотался.

– Dummie²!

¹ Пошел на х... (ит.)

² Придурок (англ.)

Винченцо обернулся, что-то пробормотал, затем поднял один из кокосов, отошел от пальмы метров на пять, снова размахнулся и запустил кокосом в пальму. Глаз подвел Винченцо. Кокос пролетел в полуметре от ствола и скрылся в джунглях, нависших над берегом.

– Hey, man! You're loser³! – крикнул Кирк.

– Fottiti! – послышалось в ответ.

Винченцо уперся о шершавый ствол пальмы, той самой, которую бомбардировал кокосами, и давай тереться спиной. Блаженство появилось на его лице, изо рта понеслось мычание.

Ангелика улыбнулась. Понимала его. И сама, едва ступила на берег, сразу принялась кататься спиной по пляжу. Каким же невероятным наслаждением было ощущать твердую поверхность! Вряд ли это поймет обычный человек, сухопутная крыса, для которого земля под ногами так же естественна, как и воздух, которым он дышит. А вот окажись он на неделю-другую вдали от берега на резиновом плоту или лодке, желание потереться спиной о твердую поверхность станет для него таким же сильным, как желание напиться для изнывающего от жажды.

Ангелика заметила, как Винченцо снова взял в руки кокос, на этот раз размером меньше, чем предыдущие, поднялся на ноги, отступил от ствола подальше, размахнулся и бросил кокос. Кокос ударился о ствол пальмы, отскочил и упал на горячий песок.

– Merda⁴, – выругался Винченцо, приблизился к кокосу, поднял с земли и огляделся. Чуть дальше на берегу заметил большой камень, торчащий из песка, хмыкнул и направился к нему. У камня он опустился на колени, взялся за кокос двумя руками, замер на миг, размахнулся и ударил кокосом о камень. Второй, третий, четвертый. Винченцо все бил и бил кокосом о камень. В какой-то миг кокос не выдержал и треснул. Тонкий ручеек кокосового молока скользнул из трещины и потек по коже кокоса, но Винченцо, казалось, этого не заметил – продолжал бить кокосом о камень, пока тот в итоге не раскололся на части. Винченцо довольно хохотнул, вытер рукой пот со лба, подхватил кокосовые остатки и зашагал к лагерю.

– Ваше молоко, – Винченцо протянул синьоре Полетте часть кокоса, сам же приблизился к лодке, вытащенной на берег, порылся среди вещей спасательного комплекта, вернулся назад и плюхнулся под пальмой.

Ангелика увидела в его руках консервный нож, которым тот принялся срезать мякоть кокоса и бросать в рот.

– Ммм, – замычал Винченцо. – Да это лучше, чем мое любимое тирамису⁵. Ангелика сглотнула, посмотрела на часть кокоса в руке Винченцо.

– Что же это за молоко такое? – возмутилась синьора Полетте, рассматривая мякоть кокоса, провела по ней пальцем, затем сунула его в рот. – Оно же совсем не жидкое.

– Это не молоко, – Винченцо бросил в рот кусок мякоти и кивнул в сторону. – Молоко там, на песке.

– Что же мне его теперь, грызть этот кокос?

– Можете грызть, можете смотреть, – отмахнулся Винченцо. – Вы просили открыть, я открыл.

Ангелика отвернулась от Винченцо и побежала взглядом по берегу, цепляясь за ровную цепочку следов на песке, поднялась и пошла прочь от лагеря.

– Эй, ты куда? – сзади донесся голос Винченцо. – За докторишкой пошла? Ну, ну. Смотри, чтобы он тебя там... не это... не отымел под какой-нибудь пальмочкой.

³ Эй, чувак! Ты неудачник! (англ.)

⁴ Дерьмо (ит.)

⁵ Итальянский десерт

Хохот ударил в спину Ангелике, но она даже не обернулась, бросила под нос "Stupido"⁶ и продолжила путь.

Солнце клонилось к горизонту. Влажный, теплый, насыщенный благоухающими ароматами природы воздух наполнял грудь Ангелики, заставляя ее снова и снова радоваться тому, что ужас остался позади, а теперь их ждет счастье, счастье и только счастье. Ангелика мечтала о том, чтобы как можно быстрее забыть обо всех бедах и несчастьях, выпавших на их долю. Мечтала о доме, о встрече с родителями. Совсем скоро она вернется к цивилизации, а о том, что было, будет вспоминать как об очередном кошмаре, плохом сне, которые иногда посещают людей, посещают, пугают, но обязательно уходят. И этот кошмар уйдет. Только надо подождать. Совсем немного.

Ангелика остановилась и осмотрелась. Слева шуршали волны, накатывая на прекрасный, девственно-белый пляж. Сквозь кристально-чистую, прозрачную как льдинка воду океана проглядывало дно, усеянное разноцветными кораллами, синими, зелеными, бурными водорослями. Океан был тих и спокоен, тянулся к далекому, неуловимому горизонту и терялся где-то там, сливался с небом, по которому улитками ползли облачные шапки. С воды то и дело налетал легкий, как пушинка, свежий, как только выжатый апельсиновый сок, бриз, игривым мальчишкой дергал за давно нечесанные волосы, нежным влюбленным поглаживал давно немытую кожу и шептал – слова ль любви, слова ль надежды. На губах Ангелики играла радостная улыбка. На душе было тихо и спокойно, как тот океан, что медленно, размеренно накатывал на берег. Время от времени взгляд девушки приковывали к себе низко скользившие над водой олуши.

Справа тянулись джунгли. Зеленым войском нависли они над берегом, словно готовились атаковать вялый и ленивый океан. Из деревьев Ангелика узнала только кокосовые пальмы с раскидистыми кронами и крупными плодами. Но были здесь и другие деревья, с серыми стволами, зелеными, овально-продолговатыми листьями с острыми концами, и плодами желтого цвета, размером с яблоко, а формой со сливу. Из джунглей доносились крики птиц.

Над головой то и дело проносились с громким жужжанием большие жуки.

Ангелика сорвала с дерева плод, понюхала, откусила кусок, пожевала и проглотила. Понравилось, нарвала еще с пяток, опустила на корточки под пальмой и принялась грызть. Взгляд девушки гулял по необъятным просторам океана, ловил птиц, возвращался и цеплялся за горячий песок. Ангелика все никак не могла поверить в то, что под ней не шатающийся, будто пьяный океан, а земля, твердая, ровная, а главное, недвижимая, будто гора. Глупая улыбка не сходила с ее лица. Все казалось сном и так хотелось, чтобы этот сон никогда не заканчивался.

Было жарко, но это была не та иссушающая тело жара, действие которой Ангелике довелось испытать на себе во время изматывающего скитания по просторам Атлантики. Воздух был даже приятный. Не сушил легкие, не жег кожу. Но влажность была высокой, и это ощущалось в воздухе.

Ангелика повернула голову в сторону лагеря, но не увидела его, так как лагерь скрывала от глаз изломанная береговая линия. Целый день они провалились на берегу. С того самого момента, как лодка ткнулась носом в берег. Правда, чтобы добраться в целости и сохранности до такого долгожданного берега им пришлось здорово поработать, вычерпывая из лодки воду. Так и плыли. Алессандро и Кирк работали веслами, синьора Полетте черпаком, остальные руками. Ангелика даже не обращала внимания на язвы на руках, так хотелось поскорее оказаться на берегу. К несчастью, уже недалеко от берега они пропороли рифами дно лодки, и теперь лодка была ни на что не годна. Но это никого уже не беспокоило, так как все предвкушали возвращение домой, ведь где земля, там обязательно должны быть люди. То, что за

⁶ Дурак (ит.)

целый день они никаких людей не встретили, также никого не беспокоило, людей надо искать, а не сидеть и ждать, пока они явятся. Только вот решили заняться поисками завтра, сегодня же всем хотелось просто поваляться на берегу, отдохнуть, расслабиться в тени пальм, забыть о тревогах, помечтать, в конце концов.

Ангелика доела фрукты, вытерла руки о футболку, поднялась с земли и приблизилась к воде, посмотрела по сторонам, но никого не увидела. Сняла футболку (подумала, что перед тем, как появиться в ней на людях, ее стоило бы выстирать) и бросила на песок, рядом положила трусики, сверху кусок бинта, которым перехватывала на затылке волосы, и ступила в воду. Кое-как вымылась, помыла голову. В какой-то миг Ангелике пришлось пожалеть об отсутствии всевозможных гелей, шампуней, кондиционеров. Даже простому мылу сейчас была бы, ой, как рада. Но об этом всё оставалось только мечтать.

Ангелика выбралась на берег и оделась, тряхнула головой, мокрые длинные волосы упали на плечи. Решила не перехватывать их снова на затылке бинтом. Быстрее высохнут. Ангелика подняла с песка кусок бинта, осмотрелась и направилась по следам Алессандро.

Не прошла и ста метров как увидела на краю леса Алессандро. Тот стоял на коленях и рыл ножом землю.

«Могилу», – догадалась девушка, заметила рядом с Алессандро сверток, взгрустнула. От того солнечного настроения, которому она отдавалась минуту назад, и след простыл. «Наверное, я не вовремя. Ему лучше побыть самому», – засомневалась Ангелика, глядя на обнаженную загорелую спину Алессандро. Хотела, было, уйти, но передумала.

– Я не помешала? – Ангелика остановилась позади Алессандро.

Алессандро вздрогнул, обернулся и посмотрел на девушку. Встревоженное выражение сменилось спокойствием, когда узнал Ангелику, относительным спокойствием. Насколько спокойным может быть отец, роющий могилу собственному ребенку? Сердце Ангелики защемило, когда она заметила, как блеснули на солнце в уголках глаз Алессандро слезы.

– Нет, нет, что ты. Ты мне помешать не можешь.

Ангелика отошла в сторону, опустила на корточки у ближайшей пальмы и оперлась спиной о ствол. Алессандро продолжал рыть землю, а Ангелика смотрела на океан или на небо. Избегала смотреть в сторону Алессандро, так как чувствовала беспокойство, видя могилу.

– Ты ей нравилась, – нарушил затянувшуюся паузу Алессандро. – Но ты это и сама знаешь. Она это говорила.

Алессандро говорил, не оборачиваясь. То ли не хотел прерывать работу, то ли не хотел, чтобы Ангелика видела слезы на его глазах.

– Я помню, – отозвалась девушка, рассматривая белые барашки на гребнях небольших волн, с завидным упрямством накатывавших на берег. – Она была хорошей девочкой.

– Она была... была... – прошло столько времени с момента гибели дочери, но Алессандро, казалось, до сих пор не мог поверить в ее смерть, – она была великолепной, моя Луиза.

До ушей Ангелики донесся всхлип. Она обернулась и увидела, как плечи Алессандро поникли, а из груди начали рваться, как собаки с цепей, беззвучные рыдания. Сердце Ангелики сжалось от боли, на глазах, будто по волшебству, возникли капельки соленой, как океан, воды. Девушка поднялась на ноги и приблизилась к Алессандро, опустила рядом на колени и положила ладонь тому на плечо.

– Там, где она сейчас, ей, наверное, намного лучше, чем было бы здесь, – сами собой из груди понеслись слова утешения.

– Я хочу в это верить, но... но мне так не хватает моей малышки, – Алессандро сотрясли рыдания, скорее интуитивно, чем осознанно, его лицо ткнулось в грудь Ангелики. – Она была для меня всем... Смыслом моей жизни... С ее смертью я утратил все, что у меня было...

Ангелика обняла Алессандро за плечи. Вонь от невымытых волос Алессандро ударила в нос Ангелики, но девушка не обратила на это внимания. Совсем немного времени назад запах ее

волос был не лучше. Вместо этого она смотрела на скомканные, грязные, с островками седины по бокам головы волосы Алессандро и думала о том, какой несправедливой может быть жизнь. Ей было жалко Алессандро даже больше, чем себя. Она-то никого не потеряла. Скоро она забудет обо всем, что с ней произошло, а вот Алессандро, забудет ли он? Сможет ли забыть? Или этот кошмар будет преследовать его до конца жизни?

Глядя на рыдающего у себя на груди Алессандро, Ангелика понимала, что, в отличие от нее, Алессандро никогда не сможет забыть ту роковую катастрофу, которая навсегда разлучила его с дочерью. Разлучила, по его же признанию, со смыслом его жизни. И даже если попытается забыть, то преждевременная седина на висках никогда не позволит ему это сделать, будет немой, бередящим душу, ежедневным напоминанием о прошлом.

Ангелика сильнее прижала к груди голову Алессандро, посмотрела на яму, которую копал Алессандро, отвернулась к океану. Минуты бежали, а они так и сидели – один рыдал, второй утешал. Наконец Алессандро вытер тыльной стороной ладони глаза и вернулся к прерванному занятию.

– И дня не проходит, чтобы я не винил себя в ее смерти. Было бы лучше, если бы я умер, а она осталась жива.

– Но ты же ни в чем не виноват. Да и что ты мог сделать? Ты же не мог знать, что ремень безопасности...

– Насчет ремня я обманул, – Алессандро ковырнул землю ножом, выгреб ее руками из могилы. – Ты помнишь, как стюардесса проводила предполетный инструктаж? Она говорила в частности о том, что надо делать, если произошла разгерметизация салона. О том, что в первую очередь мы должны позаботиться о себе, надеть кислородные маски себе на лицо и только потом помогать соседу по креслу. Я оказался хорошим учеником. Очень хорошим... Когда произошла разгерметизация салона, я поступил так, как и сказала стюардесса, подумал в первую очередь о собственном выживании. Схватил свалившуюся на меня сверху кислородную маску и попытался надеть ее, но это оказалось не так легко в такой критической ситуации. Мои руки меня не слушались. Я чувствовал, что теряю драгоценные секунды, но ничего не мог с собой поделать. Я боялся, ужасно боялся, запаниковал. Даже не помню, как мне все же удалось надеть эту треклятую маску. Секунду-другую я приходил в себя. Когда же я повернул голову и посмотрел... посмотрел на Луизу, – Алессандро прекратил рыть землю, плечи его вновь содрогнулись, – моя малышка была уже без сознания... Наверное, она растерялась, так же... так же, как и я, не знала, что делать. Все надеялась на меня. Надеялась, что спасу ее. А я... я не спас. Своей медлительностью я убил ее, убил своего ребенка. Трус. Трус!

Алессандро размахнулся и всадил нож в землю чуть ли не по рукоятку. Рванул его вверх и вновь вогнал в землю, затем снова и снова. Гнев на самого себя, обида на судьбу – все смешалось в этих неистовых попытках "убить" землю.

Ангелика смотрела на бесновавшегося Алессандро, раскрыв глаза, с тревогой и в то же время с жалостью, затем накрыла рукой его руку.

– Алессандро, перестань. Ты не трус. Трус бросил бы меня без сознания в тонущем самолете. Трус оставил бы меня на съедение акулам, а не бросился спасать. Если бы не ты, мы бы все давно уже умерли.

– Нет, не если бы не я, – Алессандро прекратил ковырять землю. – Если бы не... – тут он посмотрел на сидевшую рядом девушку и запнулся. – Я часто думаю, что зря взял билет на этот самолет. Тогда бы... тогда бы ничего этого не было, – Алессандро выгреб землю из ямы, окинул взглядом окрестности и вновь всадил нож в землю. – Когда самолет каким-то чудом не врезался в поверхность океана, а приводнился, я не потерял сознание, поэтому видел все, что происходило до самой последней секунды, видел, как самолет разваливается в воздухе, и все ждал удара – я бросился к Луизе, но она была уже мертва. Никогда не забуду выражение ее лица. Бедняжка. Надеюсь, она не сильно мучилась перед смертью. Первой моей мыслью было

свернуть себе шею. Я не знал, как буду жить дальше без своей малышки. У меня же кроме нее и матери больше никого не было...

Ангелика открыла, было, рот, собираясь подробнее расспросить о матери девочки, но оставила вопрос на потом, не желая перебивать Алессандро. Над головой закричал попугай, взмахнул крыльями и улетел вглубь джунглей.

– ...Но я не свернул себе шею, увидел, как Винченцо вместе с другими, кто не был без сознания и не получил никаких существенных травм, побрел к спасательным выходам на крыльях. Потом я снова посмотрел на свою малышку, посиневшую, в проеме между креслами заметил тебя. Ты была без сознания, предплечье было в крови, а рядом валялся сундучок – ты знаешь, многие девушки носят такие вместо сумочек. Края сундучка были металлические, один край – в крови. Должно быть, именно так ты и распорол себе руку. Глядя на свою мертвую малышку и на тебя, все еще живую и... и такую красивую, что... – Алессандро бросил на Ангелику быстрый взгляд. – В общем, я не мог позволить тебе умереть. Я не хотел больше смертей по моей вине. Ведь если бы я не спас тебя, твоя смерть была бы на моей совести, а я как-никак доктор... Ладно, все это неважно... Прости, мне надо похоронить Луизу. Именно поэтому я и забрал ее из самолета. Не хотел, чтобы ее маленькое тельце стало кормом для рыб. Не хотел, чтобы ее душа осталась в заточении глубоко на дне океана, – Алессандро отложил нож и перевел взгляд на небо.

Земля на краю джунглей оказалась глинистой, со всевозможными камешками и раковинами, которые затрудняли ее рытье, поэтому могила была небольшой. Сантиметров тридцать в глубину, не больше.

Алессандро подхватил сверток и бережно уложил в могилу. Минуту-другую стоял статуей и смотрел на сверток, затем принялся руками загребать землю в яму. Закончив, взял нож, поднялся на ноги и направился вглубь джунглей. Спустя минуту он вернулся, держа в руках помимо ножа кусок лианы и две тонкие ветки. Соорудил крест и воткнул в землю на могиле.

– Покойся с миром. Пусть земля тебе будет пухом.

Какое-то время Алессандро стоял у могилы дочери, затем повернулся к Ангелике.

– Я иду в лагерь. Ты со мной?

– Да, – Ангелика поднялась с земли, отряхнула ноги от песка. – Могу я спросить?

– О чем угодно.

– Ты говорил, что у тебя кроме Луизы и матери больше никого не было. А мать девочки. Ты говорил, что...

– Она умерла год назад, погибла в... в автомобильной катастрофе, а теперь вот дочь... в авиакатастрофе. В какой же катастрофе мне уготовано умереть?

– Не думай об этой. Скоро вернешься в Америку и...

– И что? Что я буду делать в Америке без Луизы? – Алессандро посмотрел на Ангелику.

– Продолжать жить. Ты же не старик, чтобы ставить крест на себе. Обязательно полюбишь кого-нибудь, и у тебя снова будут дети. Ведь как говорят: время лечит.

Алессандро устремил на Ангелику долгий взгляд, взгляд настолько долгий, что Ангелика даже смутилась, отвернулась и побежала взглядом по поверхности океана.

– Ты когда-нибудь теряла близких? – спросил Алессандро, отведя взгляд от девушки.

– Нет, – призналась та.

– Если бы теряла, тогда бы знала, что это только слова. Время не лечит. Раны, однажды оставленные на сердце, остаются там навсегда. Время может подлечить их, но не вылечить... Идем. Нам надо собрать вещи прежде, чем сядет солнце. Лично я не хочу завтра тратить время на сборы. Чем раньше мы выйдем к людям, тем раньше забудем этот кошмар, – сказав это, Алессандро направился вдоль старой цепочки следов назад к лагерю.

Ангелика посмотрела на могилку, перевела взгляд на Алессандро и двинула следом.

С самого утра разразился самый настоящий тропический ливень. Алессандро взялся наполнять пустые сосуды свежей дождевой водой. Остальные смотрели на него, как на сумасшедшего, не понимая, зачем он это делает. Разве мало кокосов? А если сильно захотеть, то можно и какую-нибудь речушку поискать или на крайний случай ручеек. При таком буйстве растительности каждый думал, что где-то рядом обязательно должен быть источник пресной воды. Иначе как бы деревья получали воду. Алессандро считал так же, но сказалась привычка, да и опыт скитаний по океану научил ценить каждую каплю пресной воды.

Ливень продолжался недолго. Короткий, но мощный, он вымочил всех с головы до пят. Ангелика этому даже радовалась, так как после вчерашнего купания в океане на коже осталась соль, а теперь появилась великолепная возможность избавиться от нее. Того же самого нельзя было сказать о Винченцо и Кирке. То один, то второй пускал в ход крепкое словцо, проклиная дождь, а с ним заодно и весь окружающий мир, заставивший их испытать на себе все прелести тропического дождя.

Едва ливень прекратился, Алессандро забросил на плечо одеяло с их скарбом: недавно наполненными тремя сосудами с водой и коробкой со спасательным комплектом, подхватил с земли нож-мачете и двинул вглубь джунглей, направляясь к холму, который они заприметили еще тогда, когда были в открытом океане. Еще вчера Алессандро предложил подняться на холм и с его вершины осмотреть окрестности. Несмотря на ворчание Винченцо, желавшего двигаться по пляжу, а не лезть через непроходимые чащи, предложение Алессандро было поддержано. Теперь оставалось только его реализовать. До холма было недалеко, с полкилометра. Единственную трудность представляли собой сами джунгли.

Отдалившись от берега, путешественники попали в тропический рай, наполненный птичьими криками, сладкими ароматами каких-то желтых, красных цветов и... и свисающими с деревьев лианами, через которые приходилось прорубаться с боем. По голеним шлепал папоротник, голые стопы ступали по мягкому мху. На стволах деревьев росли орхидеи и лишайник. Чем дальше они уходили в джунгли, тем чаще Винченцо проявлял недовольство. Немного прошло времени, как заявил о себе и Кирк. Бурча под нос, он с яростью дикого слона хватал ближайшую лиану и срывал ее с дерева, чтобы отбросить от себя как можно дальше.

Ангелика, несмотря на то, что ей было не легче других, хранила стойкое молчание, шагала рядом с Алессандро. Как бы ей ни было тяжело, она даже умудрялась любоваться по дороге величественной красотой тропического леса. Маленькая колибри, зависшая над цветком орхидеи, или крикливый попугай на ближайшей ветке – все привлекало ее внимание. Даже влага, пропитавшая ее футболку и джинсы, которые она решила одеть, чтобы не смущать чужих людей своим полуобнаженным внешним видом, не могла отвлечь ее от того, что происходило вокруг. В руках девушка держала кроссовки и сосуд с водой, который ей дал Алессандро. Сказал, если захочет, может поделиться водой с Эбигейл или синьором Дорети. Но Эбигейл, как и Винченцо, больше нравилось кокосовое молоко, особенно теперь, когда Алессандро научил их правильно раскалывать кокос. Даже сейчас она шла позади Ангелики с кокосом в руках, расколотым на две части.

За Эбигейл шли синьора Полетте и как всегда молчаливый синьор Дорети. Кирк шел рядом с Эбигейл, а замыкал шествие Винченцо. Ангелика то и дело слышала его недовольный голос и обвинения в адрес Алессандро, затащившего их в "эти чертовы джунгли". Но Алессандро эти нападки оставлял без внимания, успел с ними свыкнуться. Винченцо же такое поведение Алессандро только сильнее раздражало, и в спину Алессандро стрелами неслись новые упреки. В какой-то момент Ангелика даже подумала, а не лучше ли было оставить Винченцо умирать, когда была такая возможность. Но тут же поспешила отогнать эту жестокую мысль. Так или иначе, им всем тяжело. Каждый справляется с тяготами так, как умеет.

После нескольких часов упорных попыток продрасться сквозь джунгли, их взору открылась небольшая равнина, поросшая травой и одиночными деревьями. Посреди равнины возвышался тот самый холм, к которому они так спешили добраться.

– Я больше с места не двинусь, – проворчал Винченцо, вытер рукой пот со лба и повалился на траву.

– Я тоже устала, – вздохнула Эбигейл и опустилась рядом. – Моим ногам нужен отдых. А еще я соскучилась по океану. Глупо, да? Я знаю. Зато там был пляж, и можно было понежиться в теплой воде.

– Потерпи, милая, – сказала синьора Полетте, опускаясь на траву под ближайшим деревом. – Скоро ты будешь думать только о том, как хорошо, что этот ужас закончился, сидя в каком-нибудь ресторане в Нью-Йорке и потягивая кофе. Как же я соскучилась по кофе. Глоток крепкого кофе, и я бы почувствовала себя на седьмом небе от счастья. Скорее бы выйти к людям. Первое, что я сделаю, попрошу большую чашку кофе с изумительной пенкой и обязательно без сахара. Не люблю кофе с сахаром. Сахар только портит вкус этого чудесного напитка.

– А я бы сейчас не отказалась от обычного хотдога, – мечтательное выражение появилось на лице Эбигейл. – И как можно больше кетчупа, горчицы, майонеза. И сосиску как можно лучше прожарить, чтобы шкурка хрустела на зубах. А еще я бы не отказалась...

– Эй, может, хватит? – вскинулся Винченцо. – Тебе делать больше нечего, как изводить себя и нас заодно своими идиотскими фантазиями?

– Не хочешь слушать, закрой уши.

– Закроешь рот, мне не надо будет закрывать уши, – огрызнулся Винченцо.

– Придурок.

– Эй, детка, не нарывайся.

– А то, что? Закроешь мне рот? Попробуй. Тогда тебе придется разбираться с Кирком.

– Научи его еще гавкать, – осклабился Винченцо и растянулся на траве.

– What are you speaking about⁷? – Кирк повернул голову к Эбигейл, услышав собственное имя.

– Do not pay attention⁸, – отмахнулась Эбигейл.

– Вам не надоело бросаться друг на друга? – синьора Полетте свела брови, посмотрела на Эбигейл, затем на Винченцо. – И не дети же...

– Я пойду, заберусь на холм, – Алессандро наклонился к Ангелике. – Нечего зря тратить время.

– Я с тобой. Мне тоже не хочется сидеть, сложа руки.

Они пересекли равнину и начали карабкаться на холм. Время от времени Алессандро протягивал руку Ангелике, помогая ей подниматься. Холм был не крутой, пологий, но высокий. К тому же мягкая земля, орошенная утренним ливнем, разлазилась под ногами, тем самым препятствуя подъему. Когда же взобрались на вершину холма, оба изрядно устали. Но отдыхать никто и не подумал, так как спешили увидеть, в каком направлении двигаться, чтобы добраться до людей.

Ангелика смотрела по сторонам и чувствовала, как учащенно бьется сердце. Куда ни глянь, тянулись джунгли с редкими проплешинами-лужайками. Холм был один, тот, на вершине которого стояли они. Не было видно ни рек, ни озер. Не видно было и дорог. Глаза не радовали своим видом ни жилые дома, ни промышленные комплексы, только зеленое море джунглей. Чем больше Ангелика вертела головой по сторонам, тем отчетливее ощущала, как в груди растет отчаяние. Нет. Не из-за джунглей. Джунгли не были бесконечны. Она видела

⁷ О чем вы говорите? (англ.)

⁸ Не обращай внимания (англ.)

их край справа, слева, спереди и сзади. И этот край был не так уж и далеко, чтобы до него не добраться пешком. И все же с каждой секундой отчаяние становилось все сильнее.

Ангелика услышала, как рядом подал признаки жизни Алессандро, испустил то ли вздох, то ли стон. В тот же миг силы оставили ее, и если бы не Алессандро, вовремя ее подхвативший, она бы растянулась на траве. На глаза девушки набежали слезы, когда она увидела, что, куда ни глянь, всюду сверкал океан. Справа, слева, спереди и сзади. Он как будто издевался над ними. Не хотел отпускать. Но, главное, он разрушил их мечты.

Они оказались на острове и, судя по всему, остров был необитаемый.

Глава 1

Леопольдо

Корабль качнуло. Леопольдо сунул руку под подушку, повернул голову на другую сторону и выругался. Звук голоса наполнил каюту, но тут же умер, раздавленный равномерным тихим гулом, идущим откуда-то снизу, из самого сердца контейнеровоза – машинного отделения.

Леопольдо почувствовал, как к горлу подступил комок, снова выругался, затем немощным стариком сполз с кровати на пол и на четвереньках пополз к столу, ютившемуся в дальнем углу каюты. Леопольдо схватил со стола таблетку и бросил в рот, дрожащей рукой взял стакан с водой, стоявший тут же, и влил в себя жидкость, ощутил, как таблетка, подхваченная водой, словно лодка волной, отправилась в путешествие по пищеводу.

«Какая это уже? Шестая или восьмая?» – подумал невольно, надеясь, что этой таблетке, в отличие от ее предшественниц, удастся лучше справиться с морской болезнью.

Пока полз назад к кровати, держал глаза закрытыми, дабы, не дай бог, не взглянуть на этот чертов серый ковролин на полу. Почему-то он вызывал у него отвращение. Наверное, дело было в цвете. Будь ковролин более веселого цвета, возможно и отношение к нему было бы другим. Казалось, цвет ковролина гармонировал с тем внутренним состоянием, в котором пребывал Леопольдо вот уже который день. Сначала он узнал от капитана о смене курса контейнеровоза, а потом подхватил морскую болезнь. Или это она его подцепила. Для Леопольдо это оказалось не так уж важно. Главное, что он встретился с этой мучительницей сухопутных существ и теперь вот уже второй день она не дает ему покоя, мучая приступами тошноты, температурой и рвотой. В минуты приступов Леопольдо не раз проклинал корабль, море и себя впридачу, особенно себя. Это надо же было быть таким идиотом, чтобы ввязаться в такую авантюру, уже одно начало которой вызывало протест и негодование в его воспаленном болезнью мозге.

Леопольдо запрокинул голову и посмотрел на иллюминаторы. Они были приоткрыты, и, тем не менее, Леопольдо казалось, что в каюте очень душно. Когда ему станет легче, в чем Леопольдо начал уже сомневаться, он, так и быть, прислушается к совету капитана и выйдет на палубу подышать свежим воздухом.

Когда он только прибыл на контейнеровоз с одним лишь рюкзаком за плечами, капитан сказал ему, что первое время может быть тяжело, поэтому ему стоит набраться сил и терпения. В чем именно проявится эта тяжесть, Леопольдо узнал уже потом, когда познакомился вплотную с морской болезнью. Но понял, что это только начало. Достаточно было пройти всего лишь несколькими днями, чтобы Леопольдо осознал, что жизнь на корабле значительно отличается от той, которую он вел на суше. И хотя он не был частью экипажа, и у него не было каких-либо обязанностей на корабле, кроме как не путаться под ногами и не заходить туда, куда не следует, все "удобства" жизни в море он ощущал наравне с членами экипажа контейнеровоза. И в первую очередь это непрекращающаяся качка и замкнутое пространство корабля, с которыми Леопольдо, в отличие от тех же членов корабля, пришлось познакомиться впервые. Возможно, с замкнутостью корабля Леопольдо еще смирился бы, но вот с качкой, то и дело норовящей тебя сбить с ног, мириться было сложнее. Поэтому, лежа в каюте на кровати, Леопольдо с одной стороны ощущал облегчение от того, что, лежа, качка ощущается не так сильно, как стоя, но, с другой стороны – лучше бы он испытывал каждый день качку, чем валялся на кровати, мучаясь морской болезнью. Даже таблетки от нее, те, которые принес ему по просьбе капитана Игме, один из членов команды, не помогали. По крайней мере, Леопольдо так казалось.

За эти дни Леопольдо часто возвращался мыслями в недавнее прошлое, в тот день, когда приехал в Геную, оставил машину на стоянке и поднялся на борт "Италии". Не поспешил ли

он остаться на корабле, когда узнал, что корабль не доставит его на Кубу? По крайней мере, в ближайшем будущем. Но был ли у него выход? Об изменении маршрута капитан сообщил ему уже в море, когда они, ведомые лоцманом, покинули старый порт Генуи и вышли в Средиземное море. Почему ему не сказали об этом раньше? Хотел бы он знать. Возможно, из-за спешки, с которой они покидали порт. Как бы то ни было, но об изменении маршрута контейнеровоза он узнал уже в открытом море, и на вопрос, что ему делать дальше, капитан ответил прямо: или плыть с ними в Шанхай (а именно туда теперь направлялся контейнеровоз), где он сможет пересест на другой корабль, на котором и пересечет Тихий океан, чтобы добраться до Кубы, или возвращаться в Геную, правда, делать это пришлось бы вплавь, так как поворачивать корабль назад никто не собирался, как и предоставлять спасательную шлюпку в распоряжение Леопольдо.

Известие о том, что контейнеровоз направляется не на Кубу, а в Китай, поначалу повергло Леопольдо в шок. Но как заметил капитан: он работает не на себя, у него есть хозяин, и он направляется туда, куда укажет ему этот хозяин. Он и сам узнал о смене курса за несколько часов до отплытия, поэтому пришлось в авральном порядке разгружать ранее погруженные контейнеры, чтобы, по словам капитана, освободить место под китайский металллом. В конце их разговора капитан посоветовал Леопольдо не горевать, в качестве компенсации он возьмет с него только половину ранее обговоренной суммы за проезд. Леопольдо этим и удовлетворился. Другого выхода у него все равно не было. Правда, можно было бы сойти в ближайшем порту, например, в египетской Александрии, но эту мысль Леопольдо сразу отмел, так как не хотел иметь проблем с пограничной службой страны. В итоге Леопольдо остался на "Италии". Да и двигаться в западном направлении или восточном было не так уж и важно. Главное, что он в любом случае доберется до Кубы. Быть может, позже, чем хотелось бы, но здесь уже выбирать не приходилось.

Леопольдо отвели собственную каюту, небольшую, чистую и уютную. Конечно, это был не президентский номер в гостинице класса "люкс", но и тем, что было, Леопольдо готов был довольствоваться. В каюте, помимо стола, также имелся небольшой столик, мягкое кресло на четырех металлических ножках, с подлокотниками, холодильник и даже телевизор с DVD-проигрывателем. Рядом со столом стояла белого цвета пластиковая мусорная корзина. На столе находился кнопочный белый телефон, а над столом висели лампа и полка с книгами. Недалеко от входной двери к стене мостился шкаф. Был здесь и собственный санузел.

Не забыли с Леопольдо провести и инструктаж, показали, где находится спасательный жилет, куда бежать и что делать в случае нападения пиратов, пожара и других чрезвычайных ситуаций. Услышав про пиратов, Леопольдо подумал, что ослышался, и даже переспросил у старпома, который и проводил инструктаж. Нет. Оказалось, не ослышался. Старпом подтвердил и даже добавил, что если не повезет, Леопольдо их даже увидит.

Помимо капитана и старпома итальянцев на корабле больше не было. Команду корабля составляли девятнадцать человек, большинство из которых были представителями народа моря – филиппинцами. Была еще парочка кадетов, также филиппинцев. Старпом Джеромо Кьяци пообещал даже провести экскурсию по кораблю, но из-за морской «подруги», скосившей Леопольдо, экскурсию пришлось отложить на неопределенное время...

В дверь постучали. Леопольдо приподнялся на локте, думая, кого принесло. Когда дверь открылась, на пороге возник стюард-филиппинец. Звали его то ли Мануэль, то ли Мигель. Леопольдо не запомнил. Но малый был хороший, улыбочивый, веселый, с хитринкой в глазах. Леопольдо даже показалось, что сначала он увидел улыбку до ушей стюарда и только потом его самого. Как обычно в темно-синей футболке и светлых штанах. Невысокого роста, короткостриженный. В руках стюард держал поднос с тарелками. Войдя в каюту, филиппинец поставил поднос на стол и приблизился к дивану.

– How are you feeling⁹? – сверкнул желтоватыми зубами.

– Чертов английский, – пробормотал Леопольдо. – Если хочешь что-то узнать, спрашивай на итальянском.

Капитан его еще в первый день проинформировал, что язык общения на корабле английский, поэтому если хочет общаться с экипажем, пусть начинает изучать английский. Леопольдо тогда сказал, что сможет обойтись и без общения с экипажем. Капитан ничего не сказал в ответ, только ухмыльнулся и пожал плечами. Теперь же Леопольдо понимал, что язык для него не роскошь, а необходимость. Вспомнил, что и официальный язык Бермуд также английский. Может быть, капитан все же был прав, предлагая взяться за английский. Говорил даже, что в каюте, в которой сейчас обитал Леопольдо, некогда проживала парочка итальянских студентов из Милана, решивших в одно время покататься на корабле по Средиземноморью, а заодно и подучить английский. После них остались кое-какие книги, которые теперь могут сослужить службу Леопольдо. Надо было только порыться на книжной полке. Может, когда-то Леопольдо и пороеется там, а сейчас ему хотелось только одного – чтобы морская болезнь попрощалась с ним как можно скорее.

– Are you hungry? You have a lunch here, – стюард указал на поднос на столе, развернулся и двинул к выходу. – I'll be back later¹⁰.

Дверь закрылась, и Леопольдо снова остался один.

– Чертов английский. Придется учить, – Леопольдо поднялся на ноги, но тут же вновь вернулся в лежачее положение, когда заметил, как пол начал уходить из-под ног. – Еда подождет. Не больно уж я и проголодался.

Леопольдо уставился в потолок и какое-то время сверлил его взглядом, затем закрыл глаза.

«Может, зря это все? – подумал. – Не лучше ли было бы остаться в Ареццо? Вычеркнуть из жизни те два года, начать жизнь заново... Вычеркнуть из жизни Ангелику... Можно было бы, если бы это было возможно».

Несколько часов спустя Леопольдо полегчало, и он даже смог поесть. Съел немного принесенного стюардом риса. Попробовал мясо. Едва не вырвало. Мягкое и сладкое. Полуфабрикат, одним словом. Ограничился рисом, колой из баночки и булочкой.

Когда стюард вернулся за подносом, Леопольдо спал, утомленный борьбой с морской болезнью.

Леопольдо провалялся в каюте всю дорогу до Александрии. Раз или два он выглядывал из иллюминатора, чтобы окинуть взглядом просторы Средиземного моря. Видел немного, так как иллюминаторы его каюты частично загораживали контейнеры. Но и того, что видел, оказалось достаточно, чтобы получить представление о Средиземном море. Море как море. С силуэтами кораблей и очертаниями далекой земли на горизонте, спокойной поверхностью, залитой солнечным светом.

Когда корабль подходил к Александрийским берегам, Леопольдо снова побеспокоил стюард. Как и раньше, прежде чем войти в каюту, он постучал в дверь. Все такой же радостный и счастливый, он сказал свое "How are you feeling?", после чего помахал Леопольдо, приглашая того следовать за ним. Леопольдо не хотел покидать каюту, так как все еще ощущал слабость в теле после нескольких дней борьбы с морской болезнью. Но, видя, что филиппинец остановился у выхода и ждет его, Леопольдо ничего не оставалось, как подняться с дивана и последовать за ним. Путешествие оказалось коротким. Они оставили позади несколько коридоров, поднялись на лифте, прошли по коридору и остановились перед дверью.

⁹ Как ты? (англ.)

¹⁰ Ты голоден? Вот твой обед. ... Я вернусь позже (англ.)

– I've to go¹¹, – сказал стюард, после чего развернулся и ушел.

Леопольдо знал, что скрывается за дверью, так как был уже здесь в тот день, когда явился на контейнеровоз, готовый совершить самую большую в своей жизни авантюру.

Леопольдо надавил на дверную ручку и толкнул дверь, вошел в помещение и остановился, оказавшись на капитанском мостике. Если машинное отделение было сердцем контейнеровоза, то мостик можно было назвать его головой. Леопольдо сделал пару шагов вперед. За спиной остались столик с кофеваркой, холодильник и раковина. Справа виднелась дверь туалета, за которой мостился к стене странный шкаф серого цвета – дополнительный кондиционер, который используется часто тогда, когда корабль находится в тропиках и мощностей общесудового кондиционера не хватает, чтобы справиться с высокой температурой на корабле. Об этом Леопольдо узнал от капитана в первый день своего пребывания на борту "Италии".

– Добрый день, синьор Витале. Идите сюда, – Леопольдо услышал итальянскую речь, повернул голову на голос и заметил метрах в десяти от себя капитана у пульта управления судном. Рядом с ним – рулевого, старпома и кого-то из матросов-филиппинцев.

– Добрый день, – поздоровался Леопольдо, когда приблизился к пульта управления.

– Судя по виду, морская болезнь все еще с вами? – капитан бросил на Леопольдо взгляд и вернулся к рассматриванию берега вдалеке.

– Слабость, а так все нормально, – Леопольдо последовал примеру капитана, посмотрел в одно из окон мостика на огромный город, тянувшийся на многие километры вдоль побережья Средиземного моря.

– Добро пожаловать в Египет, синьор Витале, – между тем продолжил капитан. – Вы когда-либо бывали в Египте?

– Нет, – отозвался Леопольдо, рассматривая на горизонте город, будто вырастающий из-под воды по мере приближения корабля к берегу. – Я мало где был за пределами Италии.

– Ничего. Теперь у вас появилась возможность увидеть множество стран, – капитан взглянул на Леопольдо, кивнул вперед. – Это Александрия. Главный морской порт Египта. Считается вторым по величине городом после Каира. Удивительный город, некогда основанный Александром Македонским, город, в котором чудесным образом переплелось прошлое с настоящим. Когда-то Александрию знали как родину Александрийской библиотеки, некогда разрушенной, а сегодня вновь отстроенной, и Александрийского маяка, одного из семи чудес света, достигавшего высоты ста десяти метров. Кстати, сегодня на руинах маяка стоит крепость Кайт-бей...

– Он огромен, – пробормотал Леопольдо, вертя головой из стороны в сторону, пытаясь охватить начало и конец города.

– Если вы о городе, то Александрия простирается на тридцать два километра вдоль побережья Средиземного моря.

– Да, о городе. Он просто невероятен.

– Интересно, что вы скажете, когда окажетесь в городе... Я вас почему позвал? В Александрии мы пробудем недолго, всего несколько часов. У меня есть дела в городе, поэтому мне придется оставить корабль на некоторое время. Если желаете, могу составить вам компанию в прогулке по городу. Вам, в любом случае, нужен провожатый. Конечно, могу дать кого-нибудь из матросов в пару, но тогда вам придется объясняться с ним языком жестов.

– Я могу сойти на берег? – Леопольдо посмотрел на капитана.

– Конечно. Почему нет? Только с одним условием: у вас должен быть провожатый. Вы же не хотите иметь проблемы с пограничной службой?

– Нет, не хочу, – полуулыбка скользнула на лицо Леопольдо, взгляд вернулся к Александрии. Он уже мог видеть сверкавшие на солнце купола мечетей, крыши старинных дворцов,

¹¹ Я должен идти (англ.)

здания высоток в центре города и роскошных отелей на берегу. Но больше всего Леопольдо поразил Александрийский порт. Столько всевозможных плавсредств в одном месте он не видел даже в Генуе. Казалось, здесь даже плюнуть было некуда, обязательно попадешь, если и не в какой-нибудь катер, так в лодку обязательно. Здесь их было сотни.

– Я думал, из-за пограничной службы мне придется все время провести на корабле, – продолжил Леопольдо. – Но я бы с удовольствием сходил на берег. За эти несколько дней я уже успел соскучиться по земле.

– Кеп, лоцманский бот на подходе, – в разговор вмешался старпом, указав на небольшой катер, выскользнувший из порта, как пробка из бутылки. Судя по направлению его движения, он направлялся к "Италии".

– Очень хорошо, – отозвался капитан. – Команде приготовиться к приему на борт лоцмана. Синьор Витале, Хосе проводит вас в каюту, – капитан кивнул на матроса-филиппинца. – Я пошлю за вами кого-нибудь, когда соберусь на берег.

Капитан повернулся к филиппинцу и что-то ему сказал. Тот улыбнулся и двинул прочь с мостика, не забыв махнуть Леопольдо.

– Спасибо, капитан, – Леопольдо развернулся и направился за филиппинцем.

Александрия произвела на Леопольдо двоякое впечатление: с одной стороны жара, шум, гам, вездесущие торговцы с лотками, толпы босоногой ребятни в дырявых штанишках и футболках, то и дело норовившей всучить в руки какие-то дешевые подделки, или они просто что-то щебетали и тянули руки, выпрашивая деньги; с другой – великолепие города с его неповторимой, незабываемой восточной атмосферой, города современного, с легким налетом благородной старины. Леопольдо даже показалось, что современного в Александрии намного больше, чем старины. Прогуливаясь по городу с капитаном, он то и дело обращал внимание на витрины магазинов, вывески ночных клубов, библиотек. Замечал смуглых мужчин в длинных рубашках до пят с широкими рукавами без воротника, галабях и в фетровых ермолках на головах, женщин – в черных платьях, о чертах лица которых можно было только догадываться, так как их головы покрывали черные платки, оставляя лишь небольшую прорезь для глаз. Это был другой город, другая страна, другая культура, для Леопольдо необычная, но по-своему удивительная, приковывающая к себе взгляды, пробуждающая любопытство и желание познать ее ближе. Но "на познать ближе" времени было немного.

За те несколько часов, что у них были до отправки "Италии", они побывали только в крепости Кайт-бей и в мечети Абу аль-Аббас аль-Мурси. Все это они смогли сделать, когда капитан покончил с решением своих вопросов на почте.

Крепость Кайт-бей Леопольдо понравилась. Расположенная на севере Восточной бухты на руинах Александрийского маяка или как его еще называли Фаросского, крепость стала воплощением желаний мамлюкского султана Аль-Ашрафа Саиф аль-Дин Кайт-бея. За все время ее существования ее не раз разрушали и не раз восстанавливали, чтобы в итоге передать в ведение Александрийского морского музея.

Офицер туристической полиции, который за определенное вознаграждение проводил экскурсию для Леопольдо и капитана, убеждал их, что крепость Кайт-бей стоит не только на месте Фаросского маяка, но и при ее строительстве были использованы его остатки. Так это или нет, Леопольдо не знал, но был доволен, что посетил крепость. Строение поражало не столько видом, сколько чистотой и ухоженностью. Белоснежная, как вершина Килиманджаро, она казалась построенной не в 15 веке, как это было в действительности, а совсем недавно, возможно, в первые годы 21-го века. Едва увидев крепость, Леопольдо назвал ее сияющей. Известняковые блоки и в самом деле придавали творению мастеров прошлого удивительное сияние, сияние в лучах африканского солнца на фоне изумительной небесной бирюзы.

Но большее впечатление, чем крепость Кайт-бей, на Леопольдо произвела самая старая и самая красивая мечеть в Александрии – мечеть Абу аль-Аббас аль-Мурси, расположенная на площади Мечетей. Здесь гидом Леопольдо был капитан, который и сообщил ему, что мечеть была построена в далеком 14 веке мусульманским проповедником над могилой суфийского шейха Абу аль-Аббаса аль-Мурси. Большую часть современного вида мечеть приобрела уже в 16 веке, благодаря стараниям алжирского шейха Абу эль Хасана эль Магреби. Внимание Леопольдо привлекла надпись арабской вязью над входом в мечеть. По словам капитана, она означала: "Помню об Аллахе".

Остаток свободного времени Леопольдо провел с капитаном на террасе кафе "Або Эла-бас" рядом с мечетью. Леопольдо сидел лицом к мечети, потягивая сок, и наблюдал, как солнце проливает свет на ее минареты и купола, отделанные изящной арабской резьбой. Растущие вокруг мечети пальмы и диковинные растения лишь усиливали красоту человеческого творения. Леопольдо настолько погрузился в созерцание великолепных узоров и архитектурных деталей на стенах и окнах мечети, что не сразу услышал слова капитана, обращенные к нему.

– Как вам Александрия?

– Жаркая, но красивая, – Леопольдо отвлекся от рассматривания мечети и смахнул рукой пот со лба.

– Хм. Интересно, что вы скажете, когда мы пройдем Суэцкий канал и окажемся в Красном море.

– Вы хотите сказать, что будет еще жарче? – Леопольдо почувствовал, как воздух жидким огнем заползает в ноздри, как футболка на спине пропитывается потом.

– Конечно. Если сейчас в Александрии температура приближается к тридцати градусам по Цельсию, то когда мы окажемся в Красном море, она будет, могу вас заверить, не ниже сорока градусов, – капитан отпил из чашки кофе и побежал взглядом по площади Мечетей.

– Даже не знаю, что сказать, – Леопольдо поерзал задницей по сидущке стула и посмотрел на полупустой стакан в руке, подумал, а не заказать ли еще один, а то и два.

– Не переживайте. На судне имеются кондиционеры... Могу я задать вам вопрос? Воспринимайте его как проявление любопытства, не более.

– Постараюсь.

– Вы так и не рассказывали, почему хотите попасть на Бермуды. Вы точно не турист и вас вряд ли интересуют Бермуды как страна, в которой вы еще не были. Первое время я думал, несмотря на все заверения Маурисио, что у вас нелады с законом. Как-никак, но выбрали вы в качестве средства передвижения не самолет, а корабль, к тому же грузовой, что, согласитесь, вызывает некоторое недоумение и даже подозрение. И я подумал, что вы наверняка приняли решение в пользу морского судна из-за того, что не хотели проходить паспортный контроль в аэропорту. А если так, то мысль о неладах с законом вполне имеет право на существование. Не правда ли? – капитан пригладил двумя пальцами усы и отпил из чашки. – Но вы не похожи на преступника, как не похожи и на туриста или авантюриста. Вы большой, мне так кажется, домосед и ваши слова о том, что вы редко когда прежде покидали Италию, тому лишнее подтверждение. Леопольдо, вы мне задали загадку, над решением которой я бьюсь уже вот который день, с того самого дня, как мы с вами познакомились. Если бы не Маурисио, признаюсь, не уверен, что пустил бы вас на борт без справки от карабинеров. Удовлетворите же, наконец, мое любопытство. Кто вы? Преступник или, может быть, я ошибаюсь, и вы все же турист?

Леопольдо улыбнулся, поставил полупустой стакан на стол и откинулся на спинку стула. Взгляд коснулся пальмы, росшей неподалеку, затем перебежал на капитана, сидевшего напротив.

– Я сам не знаю, кто я.

– Как так? – удивление отразилось на лице капитана.

– Если у нас есть немного времени, я могу рассказать вам свою историю, и тогда вы сами решите, кто я.

Капитан расстегнул еще одну пуговицу на рубашке, забрал со стола фуражку и повесил ее на колено, после чего бросил взгляд на наручные часы.

– Если вам хватит двадцати минут, то я бы с удовольствием послушал вашу историю. Но только двадцать минут. В противном случае нам придется заплатить огромный штраф портовой администрации за то, что мы вовремя не покинули порт.

– Хватит, моя история короткая как... как наша стоянка в порту, – Леопольдо допил сок, отодвинул стакан в сторону и положил локти на стол. – Все началось...

Пятнадцать минут спустя Леопольдо откинулся на спинку кресла. Взгляд метнулся к пустому стакану из-под сока.

– Теперь вы знаете мою историю, так что теперь ответить на ранее мучавший вас вопрос не составит труда... Я оставляю вас на минуту, возьму еще сока, – Леопольдо поднялся из-за столика и скрылся внутри кафе. Когда он вернулся, капитан уже успел надеть свою белую, как лебедь, фуражку и посматривал на часы с таким видом, точно хотел убедиться, не стоят ли они.

Леопольдо опустил в кресло и поднес стакан с соком к губам. Прохладная жидкость апельсинового сока устремилась вниз по пищеводу, вызывая мало с чем сравнимое блаженство от утоления жажды. Поставив стакан на столешницу, Леопольдо вытер рукой пот со лба.

– Как у нас со временем, капитан?

– Минутка-другая еще есть... Я тут, пока вы ходили за соком, кое-что обдумал и скажу, что вы точно не турист и, конечно же, не преступник. Скорее, авантюрист. Стоит уточнить, влюбленный авантюрист... или... или безумец. В хорошем значении этого слова, – поспешил добавить капитан, заметив грустную полуулыбку на губах Леопольдо. – Хотя, считаю, авантюрист, особенно влюбленный, и безумец – это слова синонимы... Леопольдо, у вас удивительная история, а вы... а вы удивительный человек. Отправиться чуть ли не на край света за девушкой, даже не зная, жива ли она. На такое способен не каждый. Эта девушка... Как вы говорили ее зовут? Ангелика?... Эта девушка, должно быть, действительно необыкновенная, если любовь к ней заставила вас пойти на такое безрассудство.

– Самое интересное в том, – начал Леопольдо, – что я даже не знаю, люблю ли ее до сих пор. Прошло много времени, и чувство ослабло.

– Могу вас заверить, что вы любите эту девушку. Даже не сомневайтесь в этом, иначе вы бы не затеяли эту авантюру. Чувство, действительно, может, ослабло, но не умерло, а это самое главное. Если вы найдете свою фиданцату живой и здоровой – а я искренне вам этого желаю, то, уверен, любовь вернется и запыхает в вашем сердце с еще большей силой... Какая интересная история, – капитан снова посмотрел на часы. – Нам стоит поторопиться. Мне предстоит еще уладить кое-какие формальности в порту, а на это также необходимо время.

Они поднялись из-за столика и поспешили по людной улице прочь от кафе, прочь от мечети Абу аль-Аббас аль-Мурси.

Глава 2

Ангелика

Шок, который они испытали, узнав, что попали на необитаемый остров, постепенно сходил на нет, а его место занимало холодное, затяжное безразличие и в первую очередь безразличие к собственной судьбе. Они лелеяли надежду о скором воссоединении с людьми, мечтали забыть о том кошмаре, что преследовал их изо дня в день на протяжении целого месяца, но суровая реальность разбила их надежды и чаяния в прах.

Первое время Алессандро и Кирк рыскали по острову как голодные ищейки в поисках хоть какого-нибудь признака человеческой деятельности на острове в настоящем или в недалеком прошлом. Остров оказался небольшой – до двух километров ширина и до трех длина – и это позволило хорошо его исследовать. Кроме небольшого шалаша в западной оконечности острова, по всей видимости, созданного руками человека, больше найти ничего не удалось. Поиски человека, который жил в шалаше, также окончились ничем, если он и был на острове, то должно быть давно его покинул. Или умер. Но тогда должны были бы остаться его кости, но их не обнаружили, по крайней мере, в самом шалаше или рядом с ним. Вместо костей удалось найти небольшую дощечку, на которой ножом было выцарапано: Джек Рами. 1989.5. Это могло быть имя человека, жившего в шалаше и год, когда... но тут мнения разделились. Винченцо, Эбигейл, Кирк были настроены пессимистично, полагали, что "1989" это год, когда Джек Рами покинул остров. В свою очередь Ангелика, Алессандро и синьора Полетте были более оптимистичны и считали, что "1989" – это год, когда Джек Рами попал на остров. Что касается цифры "5" рядом с годом, все единогласно решили, что это количество месяцев или лет, которые Джек Рами провел на острове. В любом случае о Джеке Рами вскоре забыли, а безразличие к собственной судьбе сменилось насущной необходимостью подумать о выживании на острове.

На острове не было рек, озер, даже ручьев с пресной водой. К счастью, здесь не редки были дожди. Едва ли не каждый день остров заливал короткий, но сильный тропический ливень, поэтому о пресной воде можно было не беспокоиться. О пропитании также можно было не думать до тех пор, пока на острове росли кокосовые пальмы и два вида деревьев, плоды которых оказались вполне съедобными – одно с толстым серым стволом, овально-продолговатыми листьями, продолговатыми зелеными и желтыми плодами размером с яблоко, и второе – меньшего размера, но с огромными плодами, пахнувшими так, словно их облили скипидаром. Алессандро был первым, кто попробовал плод второго дерева на вкус. По его признанию, плод тает во рту, имеет кислый вкус, но вместе с тем отдает земляникой.

Но фрукты были скорее дополнением к основному рациону, который составляли птицы, крабы, яйца черепах и, конечно же, рыба, которая водилась во множестве видов в коралловых лагунах острова. Если бы не желание вернуться к людям, остров вполне мог бы быть новым Эдемом, на котором можно жить и горя не знать. Но такая первобытная жизнь привычна для первобытного человека, а вот для жителя начала 21-го века такая жизнь – настоящая мука. Эбигейл то и дело жаловалась на отсутствие каких-либо удобств. Те же самые претензии были у Кирка и Винченцо. Ангелика молчала, но и сама была бы не против того, чтобы спать на удобной кровати, а не на ложе из листьев, которое для нее сделал Алессандро. Единственные, кто стоически переносил отсутствие каких-либо удобств, были Алессандро и синьора Полетте. Что касается синьора Дорети, то его это обстоятельство, похоже, совсем не тревожило, так как большую часть времени он проводил, замкнувшись в себе, и все попытки синьоры Полетте "вернуть его к жизни" так и оставались попытками. Синьор Дорети никак не реагировал. Большею частью сидел на берегу и смотрел на океан. Ангелике часто казалось, что он так и не смог оправиться от гибели жены и сошел с ума. Как же еще назвать человека, который то что-то

бормочет себе под нос, то плачет, а раз или два из его груди вырывался то ли вой, то ли стон. В такие моменты синьора Полетте бросала все и устремлялась к нему, что-то говорила, успокаивала, гладила по голове. Ангелике было его жалко, впрочем, ей было жалко всех и себя в том числе. Она часто сидела на берегу океана и смотрела вдаль. Часто грустила и даже злилась на океан, мысленно обвиняя его в их горестях и бедах. Кого же еще обвинять, как не его? Именно он заставлял их страдать от жажды и беспощадных лучей солнца все то время, что они плавали в лодке. Именно он лишил жизни Дугласа и Стивена. А теперь, будто им было мало того, что они пережили, он забросил их на необитаемый остров, на котором им, вероятно, придется провести остаток жизни. Это было ужасно. Чувство безысходности точило изнутри, будто термит. Хотелось как можно скорее покинуть остров, но покинуть его, похоже, было возможно только отправившись на тот свет. Единственное средство, которое их могло вывезти с острова, лодка, на которой они на него попали, но она ни на что не годилась – швы, которые соединяли различные части лодки, от ее долгого использования разошлись. Но даже если с ними все было бы в порядке, от лодки все равно было бы толку как с бегемота шерсти. Не стоило забывать о "рваных ранах", нанесенных лодке зубами акул и рифами. Если остров не посетит какой-нибудь корабль, тогда они обречены на нем умереть. Как ни печалила Ангелику эта мысль, другие в голову не приходили. Им оставалось только ждать и надеяться. Так они и начали жить на острове, чередуя дни надежд с днями отчаяния. Жили все вместе на том самом месте, где высадились на остров, там, где джунгли нависали над пляжем. Именно там обустроили лагерь, соорудили нечто похожее на большой шалаш, стены которого сделали из веток и листьев, а крышей послужила резина от днища лодки. Шалаш поделили на две части – женскую и мужскую. На женской половине жили Ангелика, Эбигейл и синьора Полетте, а на мужской – синьор Дорети, Винченцо и Кирк. Алессандро же соорудил для себя маленький шалаш рядом с общим шалашом, где и ночевал.

Поделили обязанности: Алессандро рыбачил, Кирк ловил птиц (благо занятие это было не из тяжелых, так как птицы на острове были совершенно не пугливы), Винченцо собирал яйца черепах. Задачей женщин было собирать фрукты и следить за водой, которую хранили в емкостях и в резиновых баллонах, оставшихся от лодки. По настоянию синьоры Полетте синьор Дорети был освобожден от каких-либо обязанностей. Это не понравилось Винченцо и Кирку, но на их ворчание никто, впрочем-то, внимание и не обратил. Тем не менее, большей частью делать на острове было совершенно нечего. Скука, безделье охватывали лагерь каждый раз, когда каждый выполнял свои обязанности. Вместе со скукой приходило отчаяние. Кто-то, как Эбигейл, убегал от отчаяния купаться в океан, кто-то, как Алессандро, уходил исследовать остров, а кто-то, как Винченцо или Кирк, предпочитал проводить время во сне, а не в борьбе с муками отчаяния. Каждый искал свой путь бегства от суровой реальности. Никто не хотел с ней мириться, но и сражаться никто не хотел.

Ангелика сидела на берегу океана недалеко от лагеря, одним глазом гуляла по ровной, будто срезанной ножом поверхности, вторым посматривала на кольцо на пальце, то самое, которое когда-то ей подарил Леопольдо. Если бы не несчастье, которое постигло ее, сейчас бы она была уже миссис Витале. Раньше она думала об этом чаще, как и о самом Леопольдо. Прошлое было туманным и размытым, как сон: когда он снится, видишь каждую его деталь. Когда же просыпаешься, память содержит лишь отголоски, мелкие картинки без цвета, без резкости, без жизни. В последнее время Ангелика редко вспоминала о прошлом. Это как будто была другая жизнь, то ли в ином теле, то ли в ином измерении. Образы есть, целостности нет. Даже о родителях Ангелика вспоминала не часто. Что толку вспоминать, если каждое воспоминание отзывается болью в сердце, болью, которую нельзя вылечить. Легче не вспоминать. Проще жить настоящим, ни о чем не думая, ни о чем не переживая. Как животное, которому главное, чтобы было, что поесть и попить. Если это все имеется, можно считать, что жизнь удалась.

Ангелика пробежала взглядом по пляжу и увидела Эбигейл. Девушка как обычно лежала в полосе прибоя, нежась в лучах полуденного солнца. Ангелику от океана уже воротило, а вот Эбигейл готова была мириться со всем, что несло удовольствие. Ангелике даже казалось, что Эбигейл больше времени проводит в воде, а не на суше, прям как русалка, да и костюм был соответствующий – нагота. Но Эбигейл это несколько не беспокоило. Впрочем, не беспокоило это никого, а кому-то даже доставляло удовольствие. Ангелика увидела, как из шалаша вышел Винченцо, потянулся, заметил обнаженную Эбигейл в воде, рука инстинктивно потянулась к пенису, схватила его через трусы.

Винченцо повернул голову влево-вправо, заметил Ангелику и осклабился. Улыбка сошла с его лица, когда из шалаша появился Кирк и двинул к Винченцо.

– Where is Abigail?¹²

– Эй, америкос хренов, а на нормальном языке говорить не научился? – Винченцо посмотрел на Кирка.

– Abigail, – повторил Кирк и принялся вертеть головой. – Have you seen her? I need her¹³.

– Oh! – воскликнул Кирк мгновение спустя, заметив девушку в воде.

Кирк направился к Эбигейл, Винченцо же осмотрелся, бросил взгляд на пустой шалаш Алессандро и поплелся к Ангелике.

«Как мужчине надо мало, чтобы обрести нормальный внешний вид – всего лишь побриться», – пронеслось в голове Ангелики, пока она наблюдала за приближением Винченцо.

Первым побрился Алессандро. Это случилось на следующий день, когда они оказались на острове. Брился ножом, больше было нечем. Ангелика, когда наблюдала за этим, подумала о том, что хорошо, что она родилась женщиной. По крайней мере, в отличие от того же Алессандро ей не надо подвергать кожу на лице таким страданиям. Следуя примеру Алессандро побрились Кирк и Винченцо. Только синьор Дорети не побрился, но его это обстоятельство, конечно же, не смущало.

– Чертова жара, – прохрипел Винченцо, плюхнувшись на песок рядом с Ангеликой. – А где этот, – Винченцо кивнул на маленький шалаш, – отшельник?

– Я не знаю, где Алессандро. Сегодня я его еще не видела.

– Сумасшедший. Опять его по джунглям носит... Скучаешь? – Винченцо кивнул на кольцо на пальце Ангелики.

– Не знаю, – отозвалась Ангелика. – Стараюсь не думать о прошлом.

– Правильно, – ухмыльнулся Винченцо, сглотнул, задержал взгляд на загорелых ногах девушки, переместил на холмики груди, проступающие сквозь футболку. – Надо жить настоящим... Мне нравятся твои шорты.

Ангелика опустила взгляд, посмотрела на шорты, которые она сделала, обрезав джинсы.

– Очень нравятся, – Винченцо облизал губы.

– Рада, что тебе нравятся.

От кромки воды донесся смех. Ангелика повернула голову, увидела, как Кирк подхватил Эбигейл, забросил на плечо и шагнул в воду.

– Хренов америкос, – пробормотал Винченцо, скривившись. – Похоже, акула сожрала не того америкоса.

– Что вы опять не поделили?

– Ничего, – отмахнулся Винченцо. – Это наше с ним дело. А ты уже того... переспала с нашим доктором?

– Не твое дело, – Ангелика почувствовала возмущение внутри.

¹² Где Эбигейл? (англ.)

¹³ Эбигейл... Ты ее видел? Она мне нужна (англ.)

– Ты только не кипятись, не кипятись, – Винченцо поднял руки в примирительном жесте. – Это я так. У тебя есть Леопольдо. Знаю, знаю. И кольцо на пальце до сих пор носишь. Другая на твоём месте давно бы выбросила. А ты верная, – Винченцо ухмыльнулся. – Вон у Эбигейл тоже ухажер есть, а ты посмотри, – Винченцо кивнул на океан, где Кирк, стоя по грудь в воде, прижимал к телу Эбигейл и снимал поцелуями нектар с её губ. – Смотри, что вытворяет. Хренов америкос. А ты верная, – Винченцо хихикнул.

– Разве тебе не хочется? Сколько у тебя уже не было мужчины? Больше месяца?

Ангелика молчала, краем глаза смотрела на Кирка с Эбигейл, видела, как руки Кирка гуляют по телу девушки, бесцеремонно лапая её, то за грудь, то за ягодицу, то сунув руку Эбигейл между ног. Видела, как Эбигейл запрокинула голову, закрыла глаза, на лице заиграла блаженная улыбка. Теплая вода ласкала её загорелое тело. Капельки воды сверкали янтарем на коже. Свежий, нежный как кожа ребенка ветерок трепал девушку за волосы.

Ангелика отвела взгляд от парочки, побежала взглядом по мелководью у берега.

– Повезло ублюдку, – Винченцо сверлил взглядом Кирка и Эбигейл, рука мяла пенис сквозь трусы. – Как думаешь, он её за это время, что мы на острове, уже успел трахнуть?

– Это не мое дело.

– Нет, вряд ли, – размышлял вслух Винченцо. – Иначе я бы знал. Этот америкос обязательно бы похвастался... Акулы на него нет... А она ничего, правда? Горячая штучка. Смотри, как балдеет. У Эбигейл хорошие губы. Я бы хотел, чтобы она мне сделала минет... Этот америкос считает её своей. Я ему как-то предложил – показал жестами, этот его лепет я не понимаю – трахать Эбигейл вместе. И ему хорошо, и мне было бы. Не захотел, ублюдок. Будь он слабее, я бы его и не спрашивал, но он сильнее. Мне с ним не тягаться... Ты смотри, что вытворяет... Ублюдок... Специально... Точно специально... Знает, что я смотрю... Чтоб он издох!

Ангелика не удержалась, посмотрела на Эбигейл и Кирка. Те успели переместиться на берег и теперь лежали на песке рядом с накатывавшей на берег волной. Они лежали в позе "69", Эбигейл делала Кирку минет, он ей платил кунилингусом. Ангелика почувствовала, как ускорилось сердцебиение, жар пронзил пах, желание грозило поглотить её сознание.

– Хорошо сосет, – хрипел рядом Винченцо, не прекращая мять пенис через трусы. – Повезло америкосу.

Внезапно Кирк оторвался от лона Эбигейл, приподнялся, взял девушку за руку и повалил на спину, резким движением раздвинул ей ноги и вошел в неё.

– Дерьмо... Повезло ублюдку, – Винченцо вытер рукой пот со лба, посмотрел на Ангелику, скривился в улыбке. – Ты же тоже хочешь, правда? Вижу, что хочешь. Мы можем быть полезны друг другу, – Винченцо сглотнул, положил ладонь Ангелике на бедро. – Ты же знаешь, я тебя всегда хотел. И сейчас хочу... Очень хочу.

– Убери руку, – Ангелика сбросила руку Винченцо со своей ноги, поджала ноги, положила руки на колени, сверху голову и устремила взгляд к горизонту.

– Ну, перестань, – зашептал Винченцо. – Мы сделаем это по-быстрому. Никто ничего не узнает. Зато ты будешь довольна, и я свое получу, – Винченцо провел ладонью по внутренней стороне бедра Ангелики.

– Я сказала, убери руку! – рявкнула Ангелика, осмотрелась, но на пляже кроме них с Винченцо и Кирка с Эбигейл никого не было. Алессандро был где-то в джунглях, синьора Полетте и синьор Дорети отдыхали в шалаше.

– Убрал, убрал. Не злись, – Винченцо отвернулся от Ангелики и бросил взгляд в сторону Кирка и Эбигейл.

– Сраный америкос, – прохрипел Винченцо. – Хорошая поза... Моя любимая... По-собачьи... А ей нравится... Сучка... Как губы кусает...

Ангелика вновь почувствовала ладонь Винченцо на своём бедре. Рядом зашептал голос. От Ангелики не утаились нотки мольбы, звучавшие в нём.

– Ты же мой ангел-хранитель, милая. Выручи. У меня не было женщины больше месяца. Чего тебе стоит? Мы быстренько. Я только пар спущу и...

– Ты меня за кого принимаешь? – Ангелика сбросила руку Винченцо с бедра. – Хочешь спустить пар? А руки тебе зачем?

Пылая от возмущения, девушка поднялась на ноги и направилась вдоль берега, прочь от лагеря.

– Сука! – послышалось за спиной. – Я тебе помог с работой, квартирой, даже взял в Америку, а ты мне так отблагодарила?! Неблагодарная сука!

Ангелика заткнула уши, шла, не оборачиваясь, горя от возмущения, на глазах, точно звезды в ночи, засияли слезинки.

– Животное, – пробормотала девушка. – Самое настоящее животное.

Впереди показалась могилка Луизы. Добравшись до нее, Ангелика опустилась на колени и зарыдала.

Ангелика никому не рассказала о домоганиях Винченцо. Надеялась, что больше они не повторятся. И действительно, следующие дни Винченцо на нее даже внимания не обращал, правда, ходил по лагерю серой тенью, ни с кем не общаясь, ни с кем не заговаривая.

Ангелика также успокоилась и о происшедшем старалась не думать. Кирк и Эбигейл, когда поблизости не было никого, часто предавались любовным утехам на пляже. Когда же лагерь оживал, уходили в джунгли. Ангелика понимала, почему. Понимал это и Винченцо, так как часто Ангелика замечала, как Винченцо, едва парочка скрывалась среди деревьев, выжидал некоторое время и отправлялся следом. Зачем, Ангелика не знала, но догадывалась. Осуждать Винченцо не осуждала, так как понимала, что сексуально голодный мужчина больше похож на животное, чем на человека. Винченцо тому был подтверждением. Она видела, как загорался его взгляд, когда он наблюдал за обнаженной Эбигейл на пляже, помнила, какими глазами он смотрел на Кирка и Эбигейл, когда они занимались сексом. Такой взгляд может быть у животного, но никак не у человека. Ангелике иногда даже становилось жалко Винченцо. Она и хотела бы его понять, но не могла. Как не могла понять и того, почему сексуальное желание довлеет над Винченцо, а над Алессандро нет. Почему Алессандро в отличие от Винченцо даже попытки никогда не сделал овладеть ею? Но ведь он тоже мужчина? Здоровый мужчина, который просто не может не испытывать влечение к женщине, как Кирк или Винченцо. Но этого не было. По крайней мере, Ангелика не замечала за ним каких-либо притязаний в свой адрес или в адрес Эбигейл. В отличие от тех же Винченцо или Кирка. Часто думала, что причиной тому смерть дочери. Разве человек, утративший близкого, будет одолеваем сексуальным влечением? Вряд ли. А возможно, Алессандро просто умел контролировать проявление своих животных инстинктов. Как бы это ни было, уважение Ангелики к Алессандро только усилилось. Она бы не хотела, чтобы на нее смотрели как на объект получения сексуального удовлетворения. Как-никак она женщина, и как любая женщина хотела бы, чтобы в первую очередь она притягивала мужчин не своим телом, а душой. Так бы она хотела, но вместе с тем прекрасно понимала, что мужчина – самец, который чаще думает пенисом, чем головой, поэтому для него тело девушки, особенно красивой, намного важнее, чем ее душа. Такова была жизнь и от этого вряд ли куда денешься, разве что спрячешься на необитаемом острове, только, как оказалось, и необитаемый остров это не выход.

Как-то Ангелика сидела на пляже рядом с Эбигейл и ленивым взглядом блуждала по небу, на котором собирались тучи, предвестники надвигающейся грозы. Кирк ушел на восточный берег острова, где на небольшом одиноком утесе расположилась колония морских птиц. Алессандро еще раньше отправился на рыбалку. Помимо Ангелики и Эбигейл в лагере находились синьора Полетте, синьор Дорети и Винченцо. Синьора Полетте сидела у костра и запе-

кала остатки вчерашнего улова Алессандро. Благо у них сохранилось кресало, благодаря которому они могли в любое время развести костер.

Ангелика заметила, как из шалаша вышел Винченцо, затравленно оглянувшись, на миг задержал взгляд на ней и Эбигейл, и направился к синьоре Полетте. Подсев к ней, он начал о чем-то разговаривать с женщиной. Не прошло и минуты, как Ангелика услышала восклицание женщины:

– Ты что, с ума сошел, Винченцо, предлагать такое?! Винченцо что-то буркнул в ответ, поднялся и двинул в их с Эбигейл сторону.

– Чем это ты так разозлил "старушку"? – спросила его Эбигейл, когда он приблизился и плюхнулся на песок рядом с ней.

"Старушкой" Эбигейл и Кирк между собой называли синьору Полетте, но не потому, что та была старой, а из-за того, что она была самой старшей среди женщин.

– Неважно, – отмахнулся Винченцо, после чего уткнулся взглядом в песок и умолк.

Через некоторое время он поднял взгляд и посмотрел на Эбигейл.

– Мне надо с тобой поговорить.

– А о чем ты хочешь со мной поговорить, Винченцо? – в глазах девушки полыхнула искорка интереса.

– Дело есть.

– Какое дело? – допытывалась Эбигейл.

– Это я могу тебе сказать только наедине.

– Вот как, – улыбнулась Эбигейл. – Ты меня заинтриговал. Идем. Только ненадолго. Сейчас Кирк придет. У него тоже часто есть ко мне дела, – Эбигейл хихикнула, поднялась на ноги и направилась вдоль берега. Винченцо крикнул, поднялся и поплелся следом.

Ангелика смотрела им вслед. Эбигейл в шортах и футболке шлепала по песку чуть впереди, Винченцо оставлял тонкую цепочку следов на песке рядом. Они отошли метров на пятьдесят от лагеря и сели под пальмой. Ангелика минуту-другую наблюдала за ними, потом ей это надоело, она легла на песок и заскользила взглядом по небу.

Поднялся ветер и зашелестел среди ветвей шалаша, захлопал концами резины, свисавшей с верхушки. Джунгли умолкли в ожидании предстоящей тропической грозы. Попугаи, до этого тревожившие уши криками, теперь молчали, точно все разом онемели. Только океан шумел, кряхтел стариком, катил волны на берег, будто атакуя его, но тут же, словно чувствуя вину, устремлялся назад, чтобы через мгновение вновь ринуться на штурм. Свежий соленый воздух щекотал ноздри. Тучи скрыли солнце, и мир погрузился в полумрак, прохладный и пугающий.

Ангелика раскинула руки в стороны и сунула ладони в песок, все еще помнивший солнечное тепло, подняла их над землей, позволяя песку маленькими водопадами сыпаться с ладоней. Сверкнула молния. В тот же миг небо взорвалось от раската грома. Ангелика вздрогнула, посмотрела на темное, как и океан под ним, небо, высыпала песок из рук и поднялась на ноги.

Новая вспышка сверху и новый грохот сотряс небо. Ангелика зажала уши руками и побежала к шалашу. Синьора Полетте потушила огонь, подхватила их обед и скрылась в шалаше.

Не успела Ангелика последовать за ней, как первые тяжелые, словно градины, капли дождя упали на землю. Ангелика скрылась в шалаше, забралась с ногами на свое место – лежак из ветвей и листьев, укрытый одеялом.

– Бери, милая, пока горячая, – синьора Полетте протянула девушке пальмовый лист, на котором чернели тельца запеченных мелких рыбешек. – Переждем непогоду в шалаше, заодно и поедим.

Мгновение спустя в шалаш вбежала Эбигейл, плюхнулась на свой лежак рядом с Ангеликой, схватила с листа еще горячую рыбешку и сунула в рот.

– Ну и дождище. Минуты хватило, чтобы здорово вымокнуть, – сказала Эбигейл, отбросила остатки рыбешки на пальмовый лист, сбросила с себя мокрую футболку и закуталась в одеяло, после чего взяла с листа еще одну рыбину. – Небо чернющее. А видели бы вы, какие волны по океану гуляют. Бррр. Страшно как.

Ангелика ела молча, то и дело вздрагивая, когда новый раскат грома раскалывал небо на части. Дождь стучал по резине над головой, шелестел среди ветвей деревьев, бил по стенам их хрупкого жилища. Где-то совсем рядом рокотал океан, слышались посвистывания ветра.

Внезапно синьора Полетте отложила голову рыбешки, которую обсасывала, в сторону и прислушалась.

– Что-то я не слышу, чтобы в мужской половине кто-то был.

– Винченцо есть точно. Мы вместе с ним входили, – поспешила сказать Эбигейл, обтирая руки об одеяло. – И синьор Дорети должен быть. Кирка я не видела. Еще охотится, – Эбигейл хихикнула.

– И Алессандро нет, – вспомнила об Алессандро Ангелика.

– Как бы чего не случилось с ними, – тревога появилась на лице синьоры Полетте. – Пойду, посмотрю, как там Сильвестр.

Синьора Полетте встала и покинула женскую половину шалаша. Эбигейл тут же наклонилась к Ангелике.

– Знаешь, что мне предложил Винченцо? – глаза Эбигейл загорелись, словно маяки в ночи. – Ни за что не догадаешься.

– И что же он тебе предложил? – спросила Ангелика.

– Мужики. Они все одинаковые, – хихикнула Эбигейл, обгладывая рыбий хребет. – Если бы все женщины на планете по какой-то причине вымерли, мужчины прожили бы без нас недолго... Они такие предсказуемые. Стоит посмотреть на его горящий взгляд и все становится понятно... Винченцо предлагал потрахаться, – сказала Эбигейл так тихо, что Ангелике пришлось напрячь слух, чтобы в том грохоте, что царил снаружи, разобрать слова Эбигейл. – Бедняга, видела бы ты, как он просил меня хотя бы сделать ему минет... Мужики. Какие они слабые на самом деле. Они скорее откажутся от правой руки, чем от секса.

– И что ты ему ответила?

– Ну, я ему посоветовала обратиться к тебе, – Эбигейл прыснула со смеху.

– Ты что?

– Да не пугайся ты так. Ты же у нас недотрога... Сказала, что подумаю над его предложением. Ты же знаешь, если Кирк узнает, то... хотя я ему ничего не обещала. Возомнил себе, что я его собственность. Придурок. Но, знаешь, член у него классный. Длинный, толстый, как раз по мне, – Эбигейл закусила губу и побежала взглядом по резине потолка. – Мне нравится с ним играть...

– Перестань, – прервала словоизлияния Эбигейл Ангелика. – Мне это неинтересно.

– Ой, прости, наша ты недотрога, – Эбигейл хихикнула. – Только скажи, что тебе не нравится трахаться?

– Это мое дело.

– Как знаешь, – Эбигейл пожала плечами. – А вот я люблю. Знала бы ты, как прикольно это делать на пляже. Ммм... Теплый ветерок овеивает разгоряченное тело, волны лижут пятки... А тебе нравится лизать?

– Эбигейл! – Ангелика сверкнула глазами в сторону подруги.

– Неужели ты и впрямь такая недотрога, как строишь из себя? Или только прикидываешься такой? Как ты только терпишь? Держишь марку? А у меня был опыт с девушкой. Мне очень понравилось. Одно время я даже думала, не стать ли лесбиянкой...

– Да умолкни же ты, наконец! – вскинулась на Эбигейл Ангелика. – Мне совсем не интересно знать о твоих сексуальных предпочтениях!

– Ненормальная, – обиделась Эбигейл, опустилась спиной на лежак и принялась раздвигать очередное рыбье тельце.

Минуту спустя вернулась синьора Полетте, тяжело опустилась на лежак и сказала:

– Выглянула из шалаша. Знали бы вы, что творится на улице. Мир как будто сошел с ума. Кирка нет и Алессандро. Переживаю я за них, как бы с ними чего недоброго не случилось.

– Не случится, – отозвалась Эбигейл. – А если случится, то у нас еще есть синьор Дорети и Винченцо.

– Не говори глупостей, милая. От синьора Дорети толку как от зонта в ураган. Как бы он окончательно умом не тронулся. От Винченцо толку ненамного больше. За яйцами черепах я и сама могу сходить, а вот идти сворачивать шеи птицам или рыбу ловить – нет, это не для меня. Этим пусть Кирк и Алессандро занимаются.

Только синьора Полетте закончила говорить, как сильный порыв ветра ударил в стену шалаша, заставив тот вздрогнуть, зашататься.

– Боже, спаси нас грешных, – пробормотала синьора Полетте. – Я тут подумала. Как хорошо, что Алессандро догадался связать сосуды с водой между собой веревкой и закопать. Как чувствовал. Боюсь, что после этой грозы баллоны придется заново наполнять водой.

Ветер, словно кулак циклопа, снова ударил в стену шалаша. Ангелика замерла в ожидании наихудшего. Взгляд метнулся в одну сторону, в другую. Ощущение обреченности кольнуло сердце. Тревога проникла в сознание, пробуждая к жизни страх, неуправляемый и первобытный, перед таинственными силами природы.

За стеной взвыл ветер. Разъяренным медведем где-то совсем рядом ревел океан. Усилился и дождь. Ангелика слышала, как он зачастил по резине над головой, по веткам, листьям в стенах. Сквозь щели внутрь шалаша начала проникать вода, поначалу тонкими струйками, а вскоре и быстрыми ручьями побежала по живым стенам, одеялу, расстеленному на полу.

Новый толчок ветра пошатнул их хлипкое убежище. Ангелика почувствовала спиной холод и влагу прежде, чем поняла, что произошло. Что-то навалилось на нее сверху. Тяжелое от влаги, холодное. С запозданием сознание девушки уловило крик Эбигейл, испуг на лице синьоры Полетте. Секунды ушло на то, чтобы понять, что это. Мокрые листья, ветви, из которых состояли стены шалаша. Ангелика оттолкнула от себя стену, та пошатнулась и упала на песок. Вслед за первой стеной начали клониться к земле остальные.

Ангелика оглянулась, но тут сверху полилась воды, когда резина провисла и собранная вода ринулась вниз, прямо на девушку. Ангелика взвизгнула, чувствуя, как холод воды пробирает до костей. Мокрая одежда прилипла к телу, вызывая омерзение. Впридачу ветер бросил в лицо девушке косые струи дождя. Ангелика захлебнулась, дыхание сбилось. Из груди вырвалось что-то нечленораздельное. Она вскочила на ноги и, не помня себя от страха, бросилась в джунгли.

За ее спиной бушевал океан. Волны вздымались одна над другой, белые буруны оседлали гребни. Чернота неба слилась с чернотой океана, создав нечто невиданное прежде – полотно, достойное кисти какого-нибудь древнего бога. Молнии резали небесное тело, будто мясник тело ягненка, изливались водой, будто кровью, и проливались на землю.

Но Ангелика ничего этого не видела, бежала прочь от берега, листья и ветки хлестали по лицу, ноги разъезжались в грязи, подскользывалась, падала, снова поднималась и вновь устремлялась вперед, будто знала, там спокойнее, суше, а главное, нет того ада, который остался позади.

Дождь пошел на убыль, ветер стих, а девушка все так же рвалась через джунгли. Тело ее дрожало от холода, изнывало от усталости, молило об отдыхе. Но страх сковал разум, продолжал гнать вперед.

Внезапно из темноты вынырнул силуэт шалаша, небольшого, уютно устроившегося под большим раскидистым деревом. Со всех сторон он непогоды его защищали стволы других

деревьев, да их раскидистые, низко нависающие над землей кроны. На мгновение Ангелике показалось, как в щелях между тонких жердей мелькнул язык пламени. Недолго думая, девушка отбросила в сторону травяную циновку, служившую дверью, и устремилась внутрь. Остановилась. Взгляд выхватил из полумрака маленький костер по центру шалаша. Яркие языки пламени тихо потрескивали, неспешно прыгали по тонким сухим ветвям, сложенным шалашиком в небольшом углублении в земляном полу. Рядом с костром Ангелика заметила травяную лежанку, недалеко еще одну, а на ней теплое одеяло, одно из тех, которыми она пользовалась еще в лодке.

– Ангелика! – услышала девушка знакомый голос, обернулась и увидела Алессандро.

– Алессандро, – вздох облегчения вырвался из груди девушки. Вместе со вздохом, казалось, ее покинули остатки сил, девушка пошатнулась, попыталась ухватиться за ближайшую жердь, но ноги подкосились, и она упала на руки вовремя подоспевшего Алессандро.

Алессандро бережно уложил девушку на лежанку, стянул с нее мокрые футболку, шорты. Ангелика не сопротивлялась, не обращала внимания на свою наготу. В груди растекалось тепло и спокойствие. Теперь ей было все равно, что где-то там ревет океан, молнии полосуют небо, а ливень заливает глаза. На смену прежним страхам и неуверенности пришли умиротворение и уверенность. Она знала, что этим рукам можно доверять. Эти руки не обманут. Почувствовала себя маленькой девочкой, за которой ухаживают заботливые руки родителя.

Алессандро вытер продрогшее тело Ангелики, закутал его в одеяло и оставил лежать на лежанке, сам опустился напротив, на другую лежанку и устремил взгляд на девушку, готовый в любую минуту прийти на помощь. Дождь продолжал шуршать на улице. Ветер шелестел среди деревьев, но силы его были уже на исходе.

Ангелика лежала в тепле, укутанная в одеяло, как ребенок в пеленки, и слушала, как где-то там, в вышине, затихают последние отголоски далекого грома. Тепло продолжало шириться в груди, разгоняя тучи беспокойства и вызывая на лице легкую, как рыба луска, улыбку. Взгляд девушки замер, зачарованный танцем язычков пламени, то припадающих к земле, как тигр перед прыжком, то рвущихся соколом вверх. Но долго наслаждаться огненным танцем Ангелика не смогла, настоящее дрогнуло перед натиском прошлого. Из груди вырвался тихий вздох, вздох смирения перед неизбежным. Ангелика закрыла глаза, чувствуя, как по телу разливается усталость. Сон звал ее, манил, обещал отдых и покой. Она не могла противиться, да и не хотела, поэтому мгновение спустя уже спала.

Глава 2

Леопольдо

Леопольдо стоял на палубе контейнеровоза и смотрел, как вдали проступает вход в Суэцкий канал. "Италия" старушкой преклонного возраста двигалась вперед, все ближе и ближе приближаясь к каналу. Солнце все больше клонилось к горизонту, точно спешило поскорее отправиться на покой, утомленное долгим дневным переходом по небесному океану. Дневная жара спала, но воздух по-прежнему оставался горячим и сухим. Чувствовалось близкое дыхание пустынь Аравийского полуострова. Если бы не бриз, овевающий лицо и тело, Леопольдо ни за что не поднялся бы на палубу. Назойливым жужжанием комара в воздухе висел монотонный, глубокий звук работающего двигателя корабля. Это жужжание раздавалось всегда, и первое время раздражало Леопольдо. Это было последнее, что он слышал, когда засыпал и первое, когда просыпался. Часто ему казалось, что даже во сне этот звук не дает ему покоя. Но время шло. Постепенно Леопольдо свыкся с шумом работающего корабельного двигателя и теперь едва обращал на него внимание.

Леопольдо оторвал взгляд от входа в Суэцкий канал и заскользил по поверхности Средиземного моря. Море было спокойным. Его синева пугала глубиной и необъятностью, заставляла ощущать себя карликом перед великаном. Вот к этому Леопольдо вряд ли когда сможет привыкнуть. Да и можно ли привыкнуть к тому, что всегда будет напоминать тебе о слабости и уязвимости твоего организма, о том, что рано или поздно ты исчезнешь из этого мира, будто тебя никогда здесь и не было, а вот он, этот чудовищный в своей безграничности Мировой океан даже не заметит твоей смерти, как не замечал смертей тех, кто был здесь до тебя, как и не заметит смертей тех, кто придет уже после. А он вечен. И эти необъятные просторы, что видят твои глаза, глубины, что сокрыты от них под этим синим, находящимся в непрерывном движении одеялом, лишнее тому подтверждение.

Леопольдо поднял голову, руки крепче ухватились за поручень бортового ограждения. Вдалеке заметил несколько катеров и грузовых кораблей, разбросанных по Средиземному морю как кости по игровому полю. Все же хорошо, что он вышел из каюты. Свежий воздух после нескольких дней борьбы с морской болезнью пошел ему на пользу. Силы возвращались. Пройдет совсем немного времени, и слабость окончательно покинет его тело.

– А, вот вы где, – услышал Леопольдо, обернулся.

Капитан приблизился к Леопольдо, взялся рукой за поручень, второй указал вперед.

– Суэцкий канал. Нам придется провести здесь довольно много времени.

– У нас запланирована стоянка?

– Нет. Из-за длины канала. Сто шестьдесят три километра. Добавьте к этому скорость корабля в несколько узлов. Итого, на то, чтобы пройти Суэцкий канал, нам понадобится не меньше десяти часов. Если быть точным, часов пятнадцать.

– Что вам мешает увеличить скорость корабля?

– Правила. Максимальная скорость в Суэцком канале ограничена восемью с половиной узлами.

– А что это за дома? – Леопольдо кивнул на белеющие строения по берегам канала.

– Справа – город Порт-Саид, а вот те здания, что напротив Порт-Саида – это город Порт-Фуад. Давайте поднимемся на мостик. Сверху вид намного интереснее, особенно для вас. Для меня, человека, который не раз бывал в этих местах, Суэцкий канал скучен, однообразен и уныл, но для вас, человека, который не так уж и часто покидал родину, его вид способен доставить удовольствие.

Они поднялись на мостик. Капитан вскоре позабыл о Леопольдо, с головой уйдя в исполнение своих непосредственных обязанностей по управлению кораблем. Мостик, полный голов, на миг заставил Леопольдо пожалеть о решении последовать за капитаном. На палубе с немногочисленными матросами-филиппинцами и индусами, лишь изредка бросающими на него любопытные взгляды, он чувствовал себя уютнее, хотя, останься он на палубе, он бы не увидел того, что позволяла ему видеть высота мостика.

Какое-то время Леопольдо смотрел, как корабль точно лебедкой затягивает в канал, думая о том, что неплохо было бы перебраться в более тихое место. Осмотрелся и заметил дверь, выводящую на крыло мостика, испросил разрешения у капитана и перебрался туда. Закрыл за собой дверь, и в тот же час голоса утихли.

Леопольдо прошелся по крылу, окинул контейнеровоз с высоты, заметил матросов на палубе, оперся о поручни и принялся вертеть головой из стороны в сторону. Здесь, на высоте нескольких десятков метров над палубой ветер ощущался сильнее. Леопольдо чувствовал, как он шевелит волосы, как забирается под рубашку и холодит кожу. Краем глаза Леопольдо уловил движение возле корабля. Оказалось, к контейнеровозу подплыл катер. Несколько мужчин на нем привлекли к себе внимание. Один из них ухватился рукой за поручень трапа контейнеровоза, давая возможность другому перебраться с катера на трап. Едва мужчина оставил катер, тот отделился от контейнеровоза.

Леопольдо наблюдал, как мужчина – среднего роста, смуглокожий, в темных брюках и белой рубашке с коротким рукавом поднимается по трапу корабля. Неужели опять лощман? Леопольдо этого не знал, но и не спешил узнать; вид, который ему открывался по обоим берегам канала, заставил его выкинуть незнакомца из головы.

По берегам канала тянулись вереницы домов. Были здесь одноэтажные халупки, хватало и многоэтажек. Из всего хаоса домов, разбросанных по берегам канала, Леопольдо выловил взглядом мечеть на левом берегу. Долго смотрел на два ее минарета, возносившихся вверх с такой же непреклонностью, как огненные джинны над грешником. Вспомнил о мечети Абу аль-Аббас аль-Мурси, оставленной в Александрии. На противоположном берегу заметил еще одну мечеть. Выше первой. С минаретами похожими на космические ракеты, вот-вот готовые пронзить своими острыми носами редкую пелену облаков. Между домами терялись редкие деревья, над домами возносились стрелы монтажных кранов. Выкрашенные белой краской катера жались к берегам, точно недельные котята к животу кошки.

Контейнеровоз двигался медленно. Так медленно, что на такой скорости его даже улитка могла бы обогнать. Но теперь, когда корабль вошел в канал, для Леопольдо это уже не имело никакого значения. Его взгляд перепрыгивал с одного берега канала на другой, отыскивая мелочи, к которым стоило бы присмотреться внимательнее. Вот многоэтажное здание, будто пришедшее из постапокалипсического будущего – серая груда кирпичей, с пустыми черными глазницами окон. А вот египетский флаг на зеленом куполе здания колониальных времен – здания администрации Суэцкого канала. По мере продвижения на юг Порт-Фуад, а за ним и Порт-Саид уплывали в прошлое, берега пустели, желтели мертвым песком, становились дикими, безлюдными. Горизонт впереди терялся за легкой дымкой. Идущие по каналу единичные корабли виделись одинокими призраками, невесомыми и какими-то нереальными. Справа вдоль берега тянулась дорога. То и дело ее полотно беспокоили своим голодным урчанием автомобили. Кто-то несся навстречу Порт-Саиду, кто-то уносился прочь от него. Справа показалась рыбацкая лодка. Три темнокожих рыбака столпились на корме и тянули из воды сеть. На миг оторвали взгляды от воды, посмотрели на контейнеровоз и вернулись к прерванному занятию.

Леопольдо оглянулся и увидел, как за кормой "Италии", точно хвост за лисой, волочится пенистый след, а рыбаки все так же тянут сеть из воды.

Корабль продвигался вперед, а Леопольдо все так же стоял на крыле мостика и смотрел на канал. Вот на горизонте, будто из тумана, выплыл вантовый автомобильный мост. Вот он навис

над головой Леопольдо, чтобы через миг остаться за кормой "Италии". Та же участь ожидала и паром, отчаливший от левого берега, едва контейнеровоз сверкнул кормой, с горсткой людей на борту и десятком стареньких автомобилей за их спинами. И железнодорожный мост Эль-Фердан – самый длинный в мире поворотный мост, соединяющий восточный берег Суэцкого канала с западным, с Синайским полуостровом, пыльное, сухое дыхание которого было таким же сильным, как дыхание любимой у щеки любимого. И фраза: "Добро пожаловать в Египет" на английском, украшавшая один из берегов.

Солнце давно закатилось, похолодало, но Леопольдо не спешил покидать крыло мостика, смотрел, как на небе загораются звезды, как тишина окутывает берега канала, тишина настолько плотная, что даже близкое урчание двигателей редких автомобилей доносилось, будто из-под земли. Тьма, разрезаемая светом корабельных фонарей, была полна волшебного, сказочного очарования, очарования, присущего Востоку и неведомого Западу.

Леопольдо наполнил грудь воздухом, окинул взглядом проступающие в темноте левый берег, правый.

Суэцкий канал. Завтра они будут в Красном море, а еще через несколько дней достигнут Индийского океана. А дальше что? А дальше будет Китай, где ему предстоит сменить корабль, найти тот, который доставит его на Кубу. На какой-то миг Леопольдо почувствовал, как его сознание охватывает волнение. Ну и авантюру он затеял! На краткий миг испытал неодолимое желание вернуться в Италию, жениться на Софи, как и хотела мать, и жить жизнью обычного человека – растить детей, ходить на работу, радоваться жизни, когда появляется повод. Леопольдо так бы и поступил, будь он... будь он прежним. Но прежнего Леопольдо уже не было, не было с тех самых пор, как он ступил на борт "Италии", пересек на ней Средиземное море, а теперь вот ползет со скоростью нескольких, как там говорил капитан – узлов в час, по дрожащей от легких прикосновений аравийского ветра поверхности Суэцкого канала. В следующий миг Леопольдо осознал, что что бы ни случилось, он не сможет вернуться домой, не побывав на Бермудах. И дело было даже не в любви к Ангелике. Любовь к этой изумительной девушке все еще жила в его сердце. И капитан был прав насчет этого... Дело было в том, что человек, который делает шаг навстречу неизвестному будущему, не может уже повернуть назад, не узнав, что скрывает от него это будущее. Даже если там его ждут боль и страдания, он все равно делает шаг навстречу будущему, так как понимает, что тьма и свет никогда не ходят по отдельности. Тьма ночи никогда не приходит одна, ее всегда сопровождает блеск звезд и сияние луны.

Следующие несколько дней – все-то время, что "Италия" бороздила Красное море – Леопольдо умирал от скуки. Он никогда не думал, что корабль с его замкнутым пространством может быть самым скучным местом в мире. Первое время он спасался от скуки на крыле мостика, рассматривая далекие берега сначала Египта и Саудовской Аравии, затем Эритреи и Йемена. Когда ему это надоедало, ленивым взглядом скользил по морской поверхности в поисках чего-нибудь интересного, но часто кроме стаяк веселых дельфинов, живыми торпедами бороздившими толщу Красного моря, да медуз поверхность моря не могла его ничем заинтересовать. На крыле мостика он проводил только утренние или вечерние часы, когда воздух не был горячим, насыщенным частичками пыли, принесенными ветрами с далеких берегов Аравийского полуострова. Дневное время Леопольдо проводил в прохладе каюты, уткнувшись взглядом в потолок или листая самоучитель английского, оставленный итальянскими студентами, а однажды даже воспользовался предложением капитана ближе познакомиться с контейнеровозом, хотя никогда не был любителем кораблей. Но от скуки на корабле оставалось разве что начинать выть на луну или присоединиться к матросам, которые, казалось, ничем больше не занимались (исключение составляли вахтенные матросы) кроме как наведением порядка на палубе, очисткой ржавчины, коррозии с металлических частей, покраской, поэтому Лео-

польдо ничего не оставалось, как принять предложение капитана и отправиться с одним из матросов-индусов осматривать контейнеровоз.

В прачечной, с которой он начал свое путешествие по внутренностям корабля, кроме как на две стиральные машины, сушилку и гладильную доску с утыгом смотреть больше было нечего, поэтому Леопольдо не стал там задерживаться, дал жестами знать сопровождавшему индусу, что можно двигаться дальше. Тот сказал "ОК" и направился по коридору прочь от прачечной. После прачечной они пришли в спортзал, но и здесь Леопольдо ничем не заинтересовался – теннисный стол, беговой тренажер. Он никогда не был любителем спорта, поэтому смотрел на эти приспособления, ощущая навязчивое желание продолжать путь, что и поспешил показать индусу. Тот, казалось, и сам был не против покинуть это место, сказал знакомое Леопольдо "ОК" и зашагал из спортзала.

Потом были салон отдыха, сауна с бассейном, камбуз и столовая, лазарет, судовой офис, который, по мнению Леопольдо, ничем не отличался от офиса в любой компании на земле – письменные столы, кресла с мягкими сиденьями и подлокотниками, парочка компьютеров с плоскими экранами, принтер, копировальный аппарат, полки с папками и множество бумажек непонятного Леопольдо назначения, будто белье развешанные по стенам.

Когда они выбрались на палубу, где индус решил показать Леопольдо швартовые лебедки с гидравлическим приводом – четыре двух-барабанные на корме и четыре на баке, две якорно-швартовые лебедки и две швартовые – у Леопольдо от непривычки начинали побаливать ноги, и он хотел, было, уже попрощаться с индусом и вернуться в каюту, но тот улыбнулся и повел Леопольдо прочь с палубы.

Они спустились на лифте вниз, в самое сердце контейнеровоза – машинное отделение, в помещение, название которого индус озвучил как "Engine Control Room". Леопольдо долго смотрел на зеленый агрегат у стены с множеством маленьких экранчиков, рубильниками и рычажками, пытаясь понять, что это такое. Индус стоял рядом и что-то говорил, говорил, говорил, а Леопольдо все слушал и слушал, совершенно не понимая, о чем тот говорит. Раз или два кивнул, будто соглашаясь, затем повертел головой и направился к выходу из помещения.

Когда же они продвинулись по палубе дальше, в отсек, где находился двигатель корабля, у Леопольдо здорово ныли ноги. И, тем не менее, глядя с площадки вниз на золотившийся в свете множества ламп корабельный двигатель, Леопольдо не смог удержать немого восклицания. Он стоял, едва не открыв рот, слушал равномерный гул, идущий снизу, ощущал тихую дрожь корабля и думал, что ради этого зрелища сюда-таки стоило спускаться. Но дальше идти Леопольдо отказался, показал пальцем вверх и посмотрел на индуса в надежде, что тот поймет его желание. Индус оказался понятливым, улыбнулся, сказал свое любимое "ОК" и помахнул Леопольдо за собой.

У двери каюты Леопольдо распрощался с индусом, секунду-другую смотрел, как тот шагает по коридору в своем синем рабочем костюме, исчезает за поворотом, после чего Леопольдо вошел в каюту и развалился на диване.

Уже ближе к вечеру он поднялся на мостик, где кроме рулевого, штурмана-индуса и капитана с чашкой кофе в руке никого больше не было. Какое-то время Леопольдо наблюдал за действиями рулевого, хотя, по справедливости стоит заметить, что то, чем он занимался, и действиями назвать было трудно – стоял у пульта управления судном и считывал показания приборов.

Контейнеровоз, как и многие другие современные суда, был под завязку напичкан электроникой и автоматикой, поэтому большую часть времени двигался на автопилоте.

Насидевшись на мостике, Леопольдо перешел на крыло мостика. Смотрел, как солнце нависает над горизонтом, как стелятся по голым, бесплодным землям Йемена вечерние тени, как золотится песок в лучах заходящего солнца, и чувствовал неясное волнение в груди.

Совсем скоро они войдут в Аденский залив, совсем скоро окажутся в Индийском океане. Леопольдо должен был бы чувствовать облегчение, но почему-то ощущал лишь смутную тревогу.

Этой ночью, впервые с того времени, как он оставил родной дом, ему снова снилась Ангелика.

Этим утром "Италия" сделала короткую остановку в йеменском портовом городе Моха в южной части Красного порта, а затем продолжила путь к Баб-эль-Мандебскому проливу – "Вратам Скорби" – разделяющему Аравийский полуостров и Африку, соединяющему Красное море с Аденским заливом Аравийского моря. Все то время, что они двигались к Аденскому заливу, Леопольдо стоял на крыле мостика и наблюдал за нервными шагами капитана с чашкой кофе на мостике, притихшего у пульта управления судном рулевого-филиппинца, старпома, не отрывающего взгляд от горизонта, матросами, бегавшими по палубе с такой прытью, будто им обещали тройную зарплату. У многих в руках Леопольдо заметил колючую проволоку, а у некоторых даже пожарные шланги. Казалось, на корабле готов был вспыхнуть пожар. Вчерашнее предчувствие надвигающейся беды усилилось, но теперь Леопольдо, похоже, знал его причину, как и причину заметного оживления на палубе. Этой причиной был Аденский залив, а точнее те, кто промышлял в нем нападениями и захватом судов – пираты. Прошлым вечером Леопольдо разговаривал с капитаном и многое узнал от него об этих акулах Аденского залива. Леопольдо когда-то слышал о пиратах в школе на уроке истории, но те пираты жили несколько веков назад, а некоторые даже состояли на службе у правителей того времени, назывались каперами, корсарами и имели разрешительные грамоты, позволявшие им нападать на купеческие корабли неприятелей своего работодателя. Но, как оказалось, и сегодня, в начале XXI века пираты существуют и даже процветают. И после разговора с капитаном Леопольдо понял, что слова, некогда сказанные ему старпомом о пиратах, не были шуткой.

Аденский залив был вотчиной сомалийских пиратов, жителей Сомали – африканского государства, занимавшего полуостров, именуемый Африканским Рогом на востоке Африканского континента. Да. Это были жители Сомали, и мало кого заботил тот факт, что начиная с 1991 года такой страны, как Сомали на карте мира вообще-то не существует. Существует только территория этой несуществующей страны, которая в результате длительной гражданской войны оказалась разделена на несколько частей, контролируемых лидерами местных кланов, враждующими между собой полевыми командирами. В результате хаоса, царящего в стране, нищеты и голода некоторые сомалийцы, оснащенные огнестрельным оружием, которое достать в пораженной гражданской войной стране легче куска хлеба, отваживаются на захват проходящих по Аденскому заливу торговых судов, надеясь получить солидный выкуп в будущем. Мировое сообщество с таким положением вещей мириться, конечно же, не желает, поэтому Аденский залив дено и ночью патрулируют военные корабли. Только вот территория Аденского залива огромна, а военных кораблей мало, поэтому экипажам торговых судов, идущим через Суэцкий канал, ничего не остается, как полагаться на собственные силы, удачу и надежду на «авось пронесет». Правда, капитан поспешил успокоить Леопольдо, сообщив, что за последние полгода о сомалийских пиратах ничего не слышно, поэтому надежда на «авось пронесет» сегодня значительно выше, чем несколько лет назад, когда пираты «активничали» больше.

Леопольдо верил капитану и, тем не менее, продолжал ощущать волнение. Да и как можно было быть спокойным, когда сам капитан, не говоря уже о других членах команды, был неспокоен, хотя и старался выглядеть скалой в бушующем океане. И стоило отметить, у него это отлично получалось, и если бы не кофе, которое капитан вливал в себя едва ли не литрами, о его беспокойстве вряд ли кто бы догадался. А вот о том шторме, который готов был разыграться в груди других членов команды... Леопольдо часто замечал страх, граничащий с ужасом на лицах матросов, особенно филиппинцев. Те особенно тщательно натягивали колю-

чую проволоку на бортовое ограждение контейнеровоза и чаще других одаривали горизонт обеспокоенными взглядами. Возможно, именно такими взглядами далекие предки современного человека смотрели на буйство природы, выглядывая из своих темных пещер и поражаясь могуществу и силе невидимых богов.

В Дакт-эль-Маюн, один из двух проходов в Баб-эль-Мандебском проливе, они вошли ближе к обеду 22 сентября. В это время Леопольдо как раз находился на своем излюбленном месте – на крыле мостика, поэтому видел, как вдалеке будто плывет остров Перим – остров в Баб-эль-Мандебском проливе, который и разделяет его на два прохода – Большой или Дакт-эль-Маюн и Малый или Баб-Искандер. Капитан рассказывал, что в свое время Перим был оккупирован французами, затем английской Ост-Индийской компанией, которая рассматривала его в качестве базы для вторжения в Египет. Уже намного позже, в начале XX столетия Перим пытались захватить турки. Сегодня же Перим принадлежит Йемену. Остров большой, но не пригодный для постоянной жизни из-за отсутствия пресной воды. Но это не значит, что об острове забыли. Совсем недавно, в 2008 году одна из инвестиционных дубайских компаний решила через Перим строить мост, который соединит Джибути и Йемен. Длина этого "чуда света" должна составить неполных тридцать километров.

"Италия" не долго задерживалась в Баб-эль-Мандебском проливе. Леопольдо даже показалось, что капитан приказал увеличить скорость судна, будто хотел как можно скорее оставить Аденский залив позади. Только вот Аденский залив – это не лужа, которую можно переступить. Как-никак это восемьсот девяносто километров водного пространства.

С правого борта контейнеровоза, у африканского берега показалась группа островков, называемых "Семь братьев". "Италия" вошла в Аденский залив. Леопольдо побежал взглядом по окружавшей его синеве в поисках таинственных сомалийских пиратов. Вдалеке, прямо по курсу контейнеровоза показалось судно. Первой мыслью Леопольдо была мысль о пиратах и страх, возникший в связи с этим. В далекие времена пираты не гнушались убийств. Почему бы и современным избегать их, особенно при том невероятном количестве смертельного оружия, которое существует в современном мире. Леопольдо не хотел стать жертвой пиратов – ни сомалийских, ни каких-либо других. Вообще не желал стать чьей-либо жертвой. Как и любое другое живое существо на планете он хотел жить, поэтому то и дело обегал взглядом горизонт в поисках опасности. Соленый воздух жег ноздри, забирался в легкие. Ветер слабыми рывками дергал за рубашку, точно маленький ребенок за подол мамкиного платья. Леопольдо сощурил глаза, чтобы лучше рассмотреть корабль впереди. Но расстояние было слишком большим, чтобы опознать судно.

Еще ранним утром, когда они все еще резали носом сверкающую гладь Красного моря, капитан собрал на мостике весь экипаж корабля (Леопольдо также пригласили), чтобы сообщить об инструкциях от судовладельца и военных, которые он получил накануне по поводу того, как вести себя в случае нападения пиратов. Пока капитан говорил, Леопольдо из-за незнания языка (а говорил капитан на английском) вертел головой из стороны в сторону, рассматривая лица. Внимание привлекли лица филиппинских кадетов. На них Леопольдо увидел даже не ужас, а самую настоящую панику, как будто пираты уже атаковали корабль – карабкались как мартышки по абордажным тросам с саблями в руках и кинжалами в зубах. По крайней мере, Леопольдо именно так представлял себе нападение пиратов прошлого. В общем, не хватало легкой вспышки, чтобы буря эмоций, отражавшаяся на лицах кадетов, проявила себя в действиях. И капитан должно быть это тоже заметил, так как повернул голову к двум матросам-филиппинцам и что-то им сказал, кивнув на кадетов. Не прошло и минуты, как парочка матросов вместе с кадетами покинула мостик, заставив Леопольдо терзаться догадками. После этого капитан дал команду разойтись, и мостик вмиг опустел. Леопольдо же не спешил уходить, выждал, когда капитан направится к кофеварке за очередной чашкой кофе, и поинтересовался о судьбе кадетов.

– Я приказал их запереть в собственных каютах, дабы они не нарушали дисциплину и не сеяли панику среди других членов экипажа, – ответил капитан. – Паника – не тот помощник в стрессовой ситуации, на которого можно положиться.

Также капитан сообщил Леопольдо, что усилил вахту, как на палубе, так и в машинном отделении. Не забыл сообщить Леопольдо и о полученных инструкциях: ни в коем случае не покидать коридор безопасности – морской путь в Аденском заливе, контролируемый военными кораблями с целью противодействия нападению пиратов, не геройствовать, особенно не геройствовать. Жертвы никому не нужны. В любом случае судно и груз застрахованы, поэтому бросаться голой грудью под автоматную очередь явно не стоит.

Леопольдо почувствовал некоторое облегчение, когда в смутных очертаниях далекого корабля разглядел грузовое судно, то ли танкер, то ли еще один контейнеровоз. Танкеры или какие-либо другие грузовые суда пираты явно не используют для передвижения.

Остаток дня "Италия" неслась, конечно, насколько это возможно для контейнеровоза, через Аденский залив. Когда же солнце скрылось за горизонтом, она все так же продолжала идти вперед, тревожа его темные воды. Капитан посредством УКВ поддерживал связь с кораблями, в том числе и военными. Об "Италии" знали, за ней следили. Чем ближе становился Гвардафуй – мыс на северо-восточной оконечности Африканского Рога, знаменующий собой точку входа в Аденский залив со стороны океана, тем спокойнее становилась команда, и даже капитан перестал насиловать кофеварку на пару со старпомом.

Ночь Леопольдо провел на мостике. Спать не хотел, хоть и был, в отличие от членов экипажа судна свободен от несения каких-либо вахт. Знал, что все равно не заснет. Да и как можно спать, зная, что корабль может быть атакован пиратами. Леопольдо не мог, поэтому вместе с членами экипажа нес негласную вахту. Луч корабельного прожектора резал подступавшую к кораблю тьму, выхватывал черные волны, пену, белевшую на их коротких гребнях. Леопольдо следовал за лучом, вглядывался в темноту с таким пристальным вниманием, что перед глазами начинали танцевать фигуры. Иногда ему казалось, что он что-то замечает, но, вглядевшись, вскоре понимал, что все эти тени, движения – все это не более чем результат уставшего мозга.

Только под утро, когда капитан сообщил, что Аденский залив позади, Леопольдо, измученный ночным бдением, оставил мостик и поволок ноги в каюту. Усталость придавила плечи стокилограммовым блоком. Хотелось повалиться на диван и спать, спать, спать.

Едва Леопольдо переступил порог каюты – плюхнулся на диван, закрыл глаза и провалился в сон.

Глава 3

Леопольдо

Корабль тряхнуло, да так, что Леопольдо, лежавший свесив ногу с дивана, невольно свалился на пол. Дрожь пробежала по кораблю в тот самый миг, когда Леопольдо открыл глаза, пытаясь понять, что происходит. Будто животное конвульсировало. Откуда-то донесся грохот взрыва – по крайней мере, тот звук, который несся снизу, очень напоминал взрыв. Вслед за ним понеслась автоматная очередь. Леопольдо распахнул глаза и схватился за диван, когда корабль, издав нечто очень похожее на стон умирающего животного, задрожал и замер. В тот же миг Леопольдо услышал, как прекратил работу главный двигатель контейнеровоза. Он больше ничего не слышал, ничего, кроме гулкого биения собственного сердца.

«Что случилось? Что случилось? Корабль тонет? На него напали пираты? Но судно же покинуло опасную зону!» – в голове разразился хаос.

Леопольдо поднялся на ноги, и в ту же минуту внизу что-то грохнуло; лязг, скрежет резанул по ушам, и вновь наступила тишина.

«Корабль тонет! Тонет! – Леопольдо схватил рюкзак, лежавший на полу у стола, и выбежал из каюты. – Быстрее! Быстрее! На палубу!»

Одолеваемый страхами, Леопольдо подскочил к лифту и вдавил кнопку вызова. Из шахты лифта понеслось жужжание, лязг металла о металл, поскрипывание. Через несколько секунд дверь лифта отворилась. Леопольдо влетел в кабину, нажал кнопку. Дверь закрылась, лифт дернулся и понесся вниз.

Оказавшись на палубе, Леопольдо замер в растерянности. Когда он ложился спать, было раннее утро, сейчас же над морем сгустились сумерки. Неужели он проспал целый день? Он видел, как солнце, наполовину скрытое облаками, висело над горизонтом, будто задумалось над смыслом своего бесконечного движения по небосклону. Хаос в голове прекратился. Корабль находился в горизонтальном положении и совершенно не был похож на терпящее бедствие судно. Даже мостик находился на своем привычном месте вверху, возвышаясь над контейнерами на палубе.

Леопольдо почувствовал облегчение. Значит, зря переволновался. Корабль не тонет и пиратов никаких не видно. Тогда что же это были за звуки взрыва и автоматная очередь, которые он слышал так же явственно, как сейчас слушает тишину? Неужели ему это все приснилось?

Волнение оставило Леопольдо, только вот растерянность от осознания того, что он проспал целый день, не желала покидать его. Да еще слабость сковывала его члены, а в голове клубился туман, и это несмотря на то, что он спал весь день. Как будто и не спал совсем.

Внезапно Леопольдо услышал за спиной шаги. Кто-то из членов экипажа. Вот сейчас он и узнает, сон или явь создали взрывы и стрельбу из автоматического оружия.

Леопольдо забросил рюкзак на плечо, мимоходом подумав, что забыл бритвенные принадлежности в ванной вместе с полотенцем и гелем для душа. Развернулся и... оробел. Прямо перед ним стоял темнокожий с автоматом в руке и окидывал его сверху-донизу любопытным взглядом. Он был молод. На вид – не больше двадцати пяти, среднего роста, короткостриженный, босой, в рваных местами серых штанах и зеленой рубашке-безрукавке. На плече у него лежал автомат. Больше никакого оружия у темнокожего Леопольдо не заметил.

Минуту-другую они рассматривали друг друга, при этом никакой враждебности со стороны темнокожего Леопольдо не ощущал.

– Go, – наконец сказал темнокожий, снял с плеча автомат и указал вперед. – Go¹⁴.

Леопольдо ничего не оставалось, как развернуться и двинуть по палубе на бак корабля. Волнение вернулось, только теперь оно пришло с дрожью в ногах и холодком, то и дело пробегающим по спине. В эти минуты Леопольдо от всей души надеялся, что темнокожему не придет в голову приставить дуло автомата к его голове и нажать на спусковой крючок.

Леопольдо лежал, уткнувшись носом в палубу на баке контейнеровоза, и обливался потом. Солнце только исчезло за горизонтом, но корабельные прожекторы не позволяли тьме наброситься на судно, держали ее на расстоянии, как когда-то пламя костра африканских исследователей отпугивало рыскающих поблизости голодных львов.

Не прошло и пяти минут с тех пор, как темнокожий с автоматом привел его на бак, где он увидел капитана и других членов экипажа контейнеровоза под дулами автоматов. Матросы лежали, чистя носами палубу и сложив руки в замки на затылке. Возле них Леопольдо заметил и старпома. Только капитан стоял. Рядом с ним Леопольдо увидел высокого темнокожего с автоматом в руке и в очках от солнца. На голове того красовался потертый блейзер. Как и остальные пираты, он был бос. Из одежды на нем были некогда белые штаны и темная футболка. По всей видимости, это был главарь шайки пиратов.

К своему удивлению Леопольдо насчитал на палубе контейнеровоза только шестерых пиратов. И эта шестерка пиратов смогла захватить контейнеровоз! Но удивлялся Леопольдо недолго. Уже будучи на баке, он заметил в руках двух пиратов гранатометы, а потом увидел и результаты их деятельности – вспоротые, точно когтями некоего чудовища контейнеры. Куски металла были разбросаны по палубе, валялись темными грудями на крышах других контейнеров. От взрывов снарядов повывлетали стекла капитанского мостика, кают матросов. Пиратам стоило отдать должное, они знали, как остановить судно – начав его разрушать.

Большинство пиратов было молодо. Только главарь и еще один пират – среднего роста, жилистый, в потертых штанах и рубашке, с перемотанной то ли платком, то ли каким-то куском ткани головой, были возрастом под сорок, остальным же не было и тридцати, а одному – высокому худощавому парнишке с непокрытой кучерявой головой было и того меньше – лет двадцать, не больше.

Внезапно Леопольдо заметил, как главарь пиратов прервал разговор с капитаном и направился к нему, приблизился, ткнул дулом автомата в спину.

– You. Stand up¹⁵.

Леопольдо остался лежать, так как не понимал, что от него хотят. Сглотнул подступивший к горлу комок и вжался в палубу.

– You! Stand up! Who are you?¹⁶ – пират повысил голос и вдавил дуло автомата Леопольдо в спину.

– He's a sailor, – послышался голос капитана. – Like me. He's my assistant.¹⁷

– I speak to him! – рявкнул пират, схватил Леопольдо за шиворот и поставил на ноги. – Who are you? Speak!¹⁸

Леопольдо почувствовал, как еще немного и его сердце выскочит из груди и поскачет по палубе. Спина взмокла. Ладони покрылись испариной. Он не понимал, что от него хотят, и это незнание вселяло еще больший страх в его сердце.

¹⁴ Иди... иди (англ.)

¹⁵ Ты. Поднимайся (англ.)

¹⁶ Ты. Поднимайся. Кто ты? (англ.)

¹⁷ Он моряк... Как я. Мой помощник (англ.)

¹⁸ Я разговариваю с ним!.. Кто ты? Говори! (англ.)

Терпение пирата закончилось быстро, он размахнулся и ударил Леопольдо в живот прикладом автомата. Леопольдо охнул, схватился руками за живот и повалился на колени, распахнул рот и принялся хватать ртом воздух. Уголки глаз увлажнились. Мир для Леопольдо сжегился до размеров боли, пульсирующей в районе желудка. Он не слышал никого и ничего, сосредоточился на боли и воздухе, все никак не желавшем наполнять его грудь. Миг, другой. Наконец Леопольдо втянул ртом воздух. Каким же он прекрасным оказался. Даже аромат самой дорогой туалетной воды – ничто в сравнении с этим, не иначе как божественным чистым морским воздухом.

– Ahmed! – сквозь померкшее сознание до Леопольдо донесся чей-то голос, после чего последовал разговор на непонятном языке.

Леопольдо поднял голову. Главарь пиратов разговаривал с темнокожим, тем самым, с перемотанной то ли платком, то ли каким-то куском ткани головой. Судя по интонации и взмахам руки, сопровождавшим едва ли не каждое слово главаря, они спорили. Но спор окончился так же быстро, как и начался. Главарь подхватил с палубы рюкзак Леопольдо, лежавший тут же, расстегнул замки и вытряхнул содержимое на палубу. Одежда, документы, портмоне, мобильник – все высыпалось на палубу и застыло кучей.

Главарь отбросил ногой в сторону предметы одежды, наклонился и поднял паспорт и портмоне. Секунду-другую вертел паспорт в руке, раскрыл его, полистал, закрыл.

– Unione Europea... Repubblica Italiana... Passaporto¹⁹, – прочитал на красной обложке. – You are italian, – темнокожий посмотрел на Леопольдо, – but no sailor. Yes? Tourist?²⁰

– He's a sailor, – вновь послышался голос капитана. – He's my assistant.

Главарь не обратил внимания на слова капитана, бросил паспорт Леопольдо на кучу вещей, открыл портмоне и принялся рыться.

– Money. No dollar. Euro? How much?²¹

Вдруг пират открыл одно из отделений портмоне и достал оттуда клоч черных волос и маленькую фотографию темноволосой девушки. Недоумение отразилось на лице темнокожего, когда он посмотрел на волосы.

– What this?²²

– Это мое! – крикнул Леопольдо, увидев волосы Ангелики в руке пирата. – Мое!

Отчаяние придало Леопольдо храбрости, он подскочил к темнокожему и попытался вырвать у него из руки волосы Ангелики и фотографию, но, получив удар коленом в живот, вновь очутился на коленях.

– Crazy²³, – пират посмотрел на волосы в руке, на коленопреклоненного Леопольдо, пожал плечами и бросил клоч волос на палубу. Но волосинкам не суждено было достичь палубы, налетел ветер, подхватил их и понес прочь.

– О, нет, нет, – застонал Леопольдо, вскочил на ноги и побежал следом.

В спину ударил хохот, но Леопольдо не обратил на него внимания, понимал, что потерять столь драгоценную для него вещь намного больнее, чем испытать унижение. Леопольдо успел поймать несколько волосинок прежде, чем ветер разметал их над морем. Сомкнул кулак с драгоценной ношей, прижал к губам. Боль сжала сердце от осознания того, как мало у него теперь осталось от Ангелики. Лишь память, несколько волосинок и... Леопольдо вспомнил о фотографии.

¹⁹ Европейский Союз... Итальянская Республика... Паспорт (ит.)

²⁰ Ты итальянец, но не моряк. Так? Турист? (англ.)

²¹ Деньги. Долларов нет. Евро? Сколько? (англ.)

²² Что это? (англ.)

²³ Сумасшедший (англ.)

- Bastardo²⁴, – выругался он. – Пусть он меня убьет, но я заберу у него фотографию.
– Ahmed! Ahmed! – над палубой разнесся звонкий голос.

Леопольдо миг забыл о фотографии, повернул голову. Кучерявый мальчишка вопил во весь голос и указывал рукой вдаль. Леопольдо проследил за его рукой и увидел вдалеке две темные точки в небе. На палубе поднялся переполох. Пираты загалдели, забегали. Кто-то из них то ли с испугу, то ли желая утихомирить собратьев, дал очередь из автомата. Ахмед, главарь пиратов, миг-другой стоял в растерянности, не зная, как поступить. Взгляд его, то устремлялся вдаль, к точкам, в которых Леопольдо признал вертолеты, то возвращался к контейнеровозу, пробегал по контейнерам, палубе. На какой-то миг Леопольдо увидел, как на смуглом лице пирата появилось разочарование. Но уже в следующий миг пират рыскал взглядом по палубе, заметил его, что-то крикнул пирату с платком на голове, сам же, потрясая оружием, бросился к Леопольдо, схватил того за плечо и толкнул, побуждая двигаться.

- Go! Quickly! Go!²⁵

Понукаемый пиратом, Леопольдо направился к трапу. Впереди увидел капитана. Тот стоял на баке и провожал Леопольдо встревоженным взглядом. Но тут к нему приблизился один из пиратов и толкнул, заставляя двигаться.

Остальные матросы продолжали лежать, протирая носами палубу. Два пирата оставались на палубе, следя за порядком. Хотя по их испуганным лицам было видно, что они бы с радостью оставили матросов и побежали за сотоварищами.

Леопольдо и капитана проводили к видавшей виды, некогда выкрашенной в зеленый цвет моторной лодке, привязанной за поручень к трапу контейнеровоза, усадили на скамью. Кто-то из пиратов бросил Леопольдо его рюкзак. Пустой. Одежда, паспорт, портмоне – все осталось на палубе. Леопольдо сильнее прижал кулак с волосинками к груди. Если не принимать во внимание одежду, которая была на нем, то эти несколько волосинок, срезанные некогда с головы Ангелики – все, что у него осталось. Теперь он скорее умрет, чем расстанется с ними. Скорее умрет.

Шум, издаваемый вертолетными лопастями, слышался все ближе. Ахмед, спустившись в лодку, направил дуло автомата вверх и нажал на спусковой крючок. Пули, разрывая воздух, устремились в небо. В ту же секунду по трапу застучали чьи-то ноги и вскоре в лодку впрыгнули те два пирата, которые оставались на палубе, прикрывая отход сотоварищей. Едва они очутились в лодке, мотор фыркнул, закашлялся, взревел. В нос Леопольдо ударил запах бензина, заставив поморщиться. Лодка закачалась на волнах, ударилась бортом о трап и тронулась с места, чтобы спустя мгновение уже нестись прочь от контейнеровоза, рассекая носом сгущавшуюся вокруг тьму.

Некоторое время спустя лодка ткнулась носом в берег и заглохла. Им связали руки за спиной и вытолкали на берег. Ахмед остался в лодке вместе с еще двумя пиратами. Лодку оттолкнули от берега, ее мотор вновь ожил, заурчал, и через секунду она скрылась в ночи. Под дулами автоматов Леопольдо и капитана повели по песчаному берегу, который вскоре начал подниматься. Песок под ногами осыпался. Леопольдо боялся, как бы не съехать вниз, руки-то у него были связаны. Несколько раз он падал на колени, тыкался лицом то в песок, то в траву, редкие островки которой проглядывали среди песка то тут, то там. Но долго оставаться на земле не приходилось, какой-нибудь из пиратов обязательно хватал за рубашку на спине и ставил на ноги. Еще в лодке у него сняли часы с руки, и теперь о времени он мог только гадать. Часто посматривал на небо, словно в надежде услышать знакомый свист вертолетных лопастей. Но все было тихо, кроме их сопения, да редких криков гиен.

²⁴ Ублюдок (ит.)

²⁵ Иди! Быстро! Иди! (англ.)

Яркий диск луны висел над головой в каком-то странном оцепенении. С серыми прожилками лунных впадин и кратеров он был похож на лицо человека, пораженного оспой. А вокруг мерцали звезды, бледные и тихие. Что-то шептали друг дружке, посматривая на подлунный мир безразличным взглядом.

Подъем закончился. Они стояли среди островков травы и переводили дух. Но отдыхали недолго: побуждаемые к движению дулами автоматов они двинулись дальше. Через некоторое время впереди возникла темная масса, когда приблизились, оказалось, что это машина. Леопольдо если бы и хотел, то не смог бы назвать марку автомобиля. Видел лишь, что это небольшой микроавтобус с помятым корпусом, кое-где выбитыми стеклами и одной рабочей фарой. Впору было удивляться, как только это старье способно ездить. Машина была с водителем, но лица водителя Леопольдо в темноте не разглядел, впрочем, и не пытался; пока он карабкался вверх по берегу, песок успел забиться под рубашку, в штаны и теперь доставлял невероятные мучения, но кроме него самого это вряд ли кого еще волновало.

Пираты и их пленники забрались в салон автомобиля и через минуту катили по разбитой дороге, освещаемой одной фарой. Свет от фары был единственным источником света. В самом салоне было темно и тихо. Только мотор ворчал. Когда колеса машины попадали в ямки, а их здесь оказалось как грибов после дождя, машину здорово трясло, и тогда начинался концерт – колеса скрипели, детали машины стучали, и Леопольдо все время казалось, что если не эта, то следующая кочка обязательно развалит машину. Несколько раз он ударялся головой о потолок и в один из таких моментов прикусил язык. Когда ощутил вкус крови во рту, хотел сплюнуть, но с той стороны, где он сидел, окна оказались целы, плевать в салоне не рискнул, поэтому ничего не оставалось, как проглотить слюну.

Ехали долго. Очень долго. Леопольдо успел даже немного поспать, склонив голову на колени и зажав волосы Ангелики в кулаке. Уже и солнце окрасило горизонт в кровавые тона, а они все ехали. При солнечном свете Леопольдо хорошо смог разглядеть своих похитителей. Мужчина с платком на голове сидел рядом, положив автомат на колени. Лицо его носило следы печали, а взгляд был отрешенный. Мыслями этот темнокожий был где-то далеко. Может, вспоминал нападение на корабль? Какое это было по счету? Первое? Пятое? Десятое? Сколько пленников вот так он сопровождал, возможно, даже сидя в этой самой машине, да на том же самом месте, прислонившись спиной к сиденью водителя.

А этот юноша, самый молодой из пиратской команды, что сидел, оперевшись плечом о приоткрытую боковую дверь и клевавший носом. Почему он не дома? Почему не помогает родителям по хозяйству или не сидит за столом, склонившись над учебниками? Какой дьявол заставил его взять в руки оружие и направить его против себе подобного? Хотя себе ли подобного? Леопольдо засомневался. Он, как и любой житель погрязшего в роскоши Запада, не был подобен этому юноше, как и любому другому из его племени. В отличие от его щек, щеки этого юноши ввалились, запястья худые и тонкие. Как они только не ломаются под тяжестью автомата. И отрешенность на лице. Такая же, как и у его старшего напарника. Тело его в настоящем – подсакивает на ухабах, а вот мысли, мысли или в прошлом, или в будущем.

Леопольдо отвернулся от юноши и побежал взглядом по бескрайним просторам за дребезжавшими стеклами в окнах машины. Что это за земля? Что это за земля, укутанная легким дребезжающим маревом? Иссушенная, с редкими островками чахлой травы, выбеленная песком, из-под которого, будто нищий тянул свои худые руки, устремлялись вверх тонкие стволы акаций. Как только они могут расти в этом месте? Где находят воду – этот божественный эликсир жизни на планете?

Леопольдо почувствовал сухость во рту, собрал слюну, проглотил. Если бы знал, что следующий день проведет посреди этой безводной пустыни, только то бы и делал, что вливал бы в себя дармовую корабельную воду.

Машина остановилась. Водитель заглушил двигатель. Сомалийцы обменялись короткими фразами, подхватили оружие, и все, включая водителя, выбрались из салона. Отошли на несколько метров от машины, бросили на землю оружие, достали из карманов выдавшие виды тряпки – Леопольдо показалось, что это платки – расстелили их на земле, опустили на колени, зачерпнули руками горсти песка и прижали к лицам.

– Что они делают? – недоумение отразилось на лице Леопольдо.

– Собираются совершить саят, – кивнул капитан и тут же добавил, наклонившись к Леопольдо. – Говорите тише, иначе они могут услышать, что может быть не очень хорошо для нас, особенно во время саята.

– Хорошо, но я не понимаю. Что такое саят? – зашептал Леопольдо, отвел взгляд от сомалийцев и посмотрел на капитана.

– Подавляющее население Сомали – мусульмане, – не повышая голос, проинформировал Леопольдо капитан. – Совершать пятикратный саят или намаз, как его еще называют, то есть молиться пять раз в сутки, это обязанность любого мусульманина перед богом. Если они не будут этого делать, то не попадут в Рай... Обратите внимание, куда повернуты их головы – на восток. Именно там, на западе современной Саудовской Аравии находится Мекка – святая святых любого мусульманина. Я слышал, что немусульманам въезд в этот город строго-настрого запрещен.

– Я раньше такое только по телевизору видел, – Леопольдо кивнул на сомалийцев, бьющих поклоны, при этом не забывавших что-то бормотать себе под нос. – И долго это продлится?

– Нет. Но разве вы куда-то спешите?

– Уже нет, – Леопольдо пожевал внутреннюю сторону щеки, ощущая грусть. – Как думаете, что с нами будет?

– Мы – заложники, и, думаю, они собираются требовать за нас выкуп.

– Выкуп?! – отчаяние вспыхнуло в глазах Леопольдо. – Но у моих родителей вряд ли есть деньги, чтобы заплатить за меня выкуп, даже если эта сумма окажется в несколько тысяч евро.

– Боюсь, что несколькими тысячами евро пираты не ограничатся. Не хочу вас лишний раз пугать, но обычно в таких делах фигурируют суммы в несколько миллионов евро.

– Миллионов?! – Леопольдо распахнул глаза, чувствуя, как на лбу, руках, спине выступил холодный пот. – Но... но у нас нет таких денег.

– Вам не стоит беспокоиться по этому поводу, – попытался успокоить Леопольдо капитан. – Это забота не ваша и не ваших родителей. Это головная боль судовладельца и правительства. Нам только на них следует уповать, только вот... – капитан как будто сник, бросил на Леопольдо короткий виноватый взгляд. – ...Мне стоило бы попросить у вас прощения.

– За что?

– За то, что согласился взять вас на борт "Италии". Это был риск, огромный риск, брать на борт пассажира, особенно тогда, когда путь судна пролегал в столь опасных водах. Это моя вина. Мне следовало быть более ответственным.

– Забудьте, капитан. Вы не заставляли меня делать что-либо против моей воли. Это было мое решение, поэтому вам нечего себя винить.

– Может, и так, – кивнул капитан. – Но все же я чувствую себя виноватым, ведь с тех самых пор, как вы ступили на борт "Италии", я стал нести за вас ответственность. Было бы лучше, если бы я предоставил вам спасательную шлюпку тогда, когда мы только покинули Геную. А сейчас я даже не знаю, что нас ждет в будущем. Здесь, в стране без законов, в стране, где уже двадцать лет царит хаос, где автомат – это лучший подарок на день рождения, будущее любого человека – не более чем иллюзия.

– Мне кажется, вы сгущаете краски, капитан. В отличие от них и таких как они, – Леопольдо кивнул на сомалийцев, простершихся ниц в нескольких метрах от машины. – Мы – белые, у нас есть права, и уважать наши права – обязанность других людей. В конце концов,

для защиты своих прав мы создаем всевозможные международные организации, например, такие как ООН или Европейский суд по правам человека. Как-никак, но этот мир создали мы, белые, и они, – Леопольдо скосил взгляд в сторону, – не могут не считаться с этим.

– Если бы было так, как вы говорите, Леопольдо, я бы нисколько не беспокоился о нашей дальнейшей судьбе, но... но все это актуально для цивилизованного мира, а здесь же... здесь обо всем этом можете благополучно забыть. Это другой мир и...

– Они возвращаются, – шепнул Леопольдо, заметив, как сомалийцы поднялись на ноги, отряхнули платки, сложили их и сунули в карманы, затем подобрали с земли оружие и направились к машине.

Как только троица пиратов вернулась в салон, водитель завел двигатель, и машина, подпрыгивая на кочках, покатила дальше.

Несколько раз машина опять останавливалась, а сомалийцы доставали из карманов свои платки и принимались за салют. В это время Леопольдо наблюдал за ними и пытался понять, что это за люди и что следует ждать от них в будущем. В слова капитана о том, что здесь другой мир, Леопольдо верилось с трудом. Да, климат здесь был явно не европейским, жарким и сухим, и чем дальше они продвигались вглубь страны, тем больше Леопольдо в этом убеждался. И природа здесь была другая – куда ни посмотри вокруг голая, выжженная солнцем земля, без единого признака человеческой жизни. Впрочем, если не обращать внимания на редких птиц, беспокоивших своим присутствием небесную ширь, о жизни в этой местности говорить не приходилось. А вот люди... О людях Леопольдо кроме их цвета кожи ничего сказать не мог, так как знаком был с ними на протяжении всего лишь нескольких часов. Но, несмотря на это, хотел надеяться, что слова капитана о хаосе и беззаконии в этом мире – не более чем преувеличение. Человеку, европейцу, впитавшему в себя с молоком матери веру во всемогущество законов, было трудно принять, что даже в таких странах, как Сомали, закон – не более чем слово, пользы от которого намного меньше, чем от оружия в твоих руках.

Дорога бежала вперед, но унылый, однообразный, иссохший, точно мумия, пейзаж за окнами машины не менялся. Время от времени местность, по которой они ехали, пересекали поросшие сухой травой и кустарником русла рек – немые свидетели былой, но ныне утраченной роскоши. Сегодня реки не несут свои воды к далекому морю, и берега, некогда утопавшие в зелени, сегодня мертвы, как та земля, что краснеет на дне русел, покрытая сетью длинных трещин.

Глядя на эти, некогда беременные чистой и прохладной водой русла рек Леопольдо все больше ощущал жажду. Солнце поднялось высоко и теперь жгло немилосердно, только усугубляя ситуацию. Жестокое африканское солнце, не знавшее ни грамма милосердия, некогда иссушившее эту землю и теперь продолжавшее это делать с завидным упрямством, теперь, должно быть, решило поступить так же и с теми живыми оболочками, называемыми людьми, что тряслись в салоне машины, осмелившиеся ступить на эту негостеприимную землю. Леопольдо был не одинок в своем желании наполнить желудок водой. Наблюдая за капитаном, он видел, как тот время от времени облизывает губы и вытирает пот, бегущий по лбу, наклоняясь к колену. А вот сомалийцы, казалось, не испытывали жажду. Может, из-за того, что были привычны к ней или, быть может, из-за того растения, которое жевали все с того времени, как совершили первый салют. Будто коровы, ни на миг не переставая двигать челюстями, они жевали кат, как назвал это растение капитан в одну из остановок, совершенных по нужде. При этом вид у сомалийцев был как у наркомана, получившего дозу и теперь пребывавшего где-то на облаках. Губы растянуты в полуулыбке, чей-то взгляд сверлит пол, чей-то равнину за окном, то и дело воздух вздрагивает от слов, обращенных от одного пирата к другому. Как шепнул Леопольдо капитан, кат и был наркотиком. Во многих цивилизованных странах кат запрещен,

ибо является наркотическим веществом, но здесь он имеет широкий спрос и его жуют, как старики, так и молодые.

Когда терпеть жажду стало невозможно, Леопольдо повернулся к мужчине, тому самому, с платком на голове, и который казался Леопольдо наиболее спокойным и человечным из пиратов, и жестами показал, что хочет пить.

Сомалиец мотнул головой, что-то произнес на своем непонятном языке, провел пальцами по щетине недельной давности и указал рукой в сторону. Леопольдо не понял, но в итоге решил, что избавиться от жажды ему в ближайшем будущем не светит.

Дорога ушла в сторону. Теперь машина катила по руслу старой реки, окаймленому кустами акации, тамариксов и все той же желтой сухой травой. Изредка попадались растения, принимаемые Леопольдо за деревья – метров до семи-десяти высотой, с кронами, будто шапки грибов. Это был канделябровый молочай.

Легкую смену пейзажа Леопольдо воспринял как добрый знак. И, правда, не прошел и час, как впереди, будто из-под земли выросло селение.

«Город», – было первой мыслью Леопольдо и облегчение от осознания того, что долгая, изматывающая поездка по африканскому безлюдью подошла к концу.

Но стоило подъехать к селению ближе, и Леопольдо увидел, что никакой это не город. Несколько маленьких домиков с покатыми или большей частью круглыми крышами, низкие, будто придавленные божественной дланью к земле и разбросанные на небольшой территории – вот и весь город.

Машина остановилась. Водитель заглушил двигатель, выбрался из машины, оперся боком о переднюю дверцу и сунул в рот листья ката. Пираты также не задержались в салоне, выбрались из машины и разбрелись, кто куда, казалось, напрочь забыв о пленниках. Только мужчина с платком на голове и щетиной на лице не спешил уходить, приблизился к водителю, сунул в рот кат и заговорил с ним на своем непонятном языке.

– Видать, мы приехали, – сказал капитан, окидывая взглядом округу.

– Да, но у меня такое ощущение, что до нас никому нет дела. Вы видели? Молодежь разбежалась, стоило машине остановиться.

– Признаться, эти пираты производят на меня странное впечатление. Они совершенно не похожи на головорезов. Кучка туземцев, решивших поиграть в пиратов. Посмотрите вокруг. Ничего не замечаете?

Леопольдо огляделся. Большая часть домиков пряталась за невысоким забором из сухих веток. Жилые строения чередовались с сараями для скота, образуя дворы. Леопольдо насчитал до десяти таких дворов и почти каждый из них был огражден забором. По округе бродили тощие козы, бегали лишайные собаки. Во дворе, у забора которого стояла машина, появилась горстка темнокожих ребятишек, заметили машину, закричали и побежали к ней. Рядом с машиной остановились, защебетали, точно цыплята, и принялись с интересом рассматривать белых в машине. Босоногие, худые, кучерявые, девочки – в коротких одноцветных платьях, мальчики – в штанишках и футболках.

– Это не пиратское селение, – продолжил капитан минуту спустя. – Простые фермеры. К тому же не из богатых. Козы, собаки. Удивляюсь, как только они могут жить в таких условиях.

Внезапно один из ребятишек забрался в салон машины, дернул Леопольдо за рукав рубашки и тут же выскочил на улицу. Мужчина с платком на голове, казалось, только сейчас заметил детвору у машины, взмахнул рукой, закричал. Детишки разбежались, остановились в отдалении, – кто-то уселся на горячий песок – и устремили взгляды на белых в машине.

Бормоча под нос, мужчина с платком на голове постучал по лобовому стеклу, привлекая к себе внимание белых, махнул рукой, приглашая тех выйти из машины. Леопольдо и капитан выбрались на улицу. Темнокожий указал на проем, ведущий во двор, что-то сказал. Капитан, а вслед за ним Леопольдо прошли вперед. Мужчина двигался следом, жестами указывая дорогу.

Позади заворчал двигатель. Леопольдо обернулся. Машина тронулась с места, объехала дворы и вскоре уже катила прочь.

Леопольдо заволновался. Как будто пуповину кто перерезал. Машина казалась ему ниточкой, связывающей его с цивилизацией. И теперь, смотря вслед удаляющейся машине, он чувствовал, как в груди растёт одиночество и страх перед будущим. Вокруг куда ни глянь выжженная солнцем, красная, будто обгоревшая земля. Самый настоящий ад. И в этом аду ему теперь предстоит жить.

Леопольдо едва удержался, чтобы не побежать следом за машиной. И побежал бы, если бы не страшная усталость в теле и боль в мышцах от долгого сидения. Лишь вздохнул. Все смотрел, как машина тает на горизонте, пока не растаяла окончательно в непрерывном дрожании воздуха. Мужчина с платком на голове заговорил, качнул автоматом в руке, побуждая Леопольдо двигаться. Тот проследовал за капитаном внутрь куполообразного строения, отдаленно похожего на вигвам индейцев Северной Америки, только вместо циновок, веток и шкур этот "вигвам" покрывало различное тряпье, мешковина и клеенка. Похоже, отныне это их с капитаном новый дом, дом, затерянный на бескрайних, иссушенных знойным солнцем просторах Африки.

Глава 3

Ангелика

Время на острове тянулось медленно. Сентябрь закончился и наступил октябрь. В Европе в свои права вступила осень, а на острове по-прежнему было лето. Листья зеленели в лучах яркого тропического солнца, попугаи старались друг друга перекричать, а маленькие колибри все так же неутомимо двигали крохотными крылышками, собирая нектар с цветов.

Шторм, разрушивший их шалаш, длился несколько дней. Во время коротких передышек от дождя, они заново отстроили шалаш, сделали его прочнее, надежнее. Для большей безопасности построили его среди деревьев в джунглях, а не на берегу. Теперь к океану идти приходилось дольше, зато теперь они не боялись, что их жилище вновь будет разрушено.

Алессандро, как и раньше, часто уходил к океану рыбачить. Когда возвращался, вновь покидал лагерь, поднимался на холм и проводил долгие часы в наблюдении за горизонтом – не появится ли где корабль, не махнет ли крылом самолет. В такие минуты Алессандро обязательно брал с собой ракетницу и зеркало. Благо у них оставалось два сигнальных патрона, с помощью которых они могли дать о себе знать проплывающему мимо кораблю или пролетающему над островом самолету. Синьора Полетте предложила нести вахту на холме по очереди, но ее предложение осталось неслышанным со стороны Винченцо, Кирка и Эбигейл. Никто из них не желал проводить часы на холме, жарясь в лучах беспощадного тропического солнца. Для Эбигейл не было лучше времени, чем время, проведенное на пляже. Она готова была часами валяться в полосе прибоя, ощущая обнаженным телом ласки теплого бриза. Время от времени к ее походам на пляж присоединялся Кирк. В такие минуты Ангелике было жалко видеть Винченцо. Наблюдая за парочкой, исчезающей в джунглях, тот хмурился, кусал губы и отправлялся следом.

Между тем, когда Алессандро уходил из лагеря, Винченцо раз или два вновь подходил к Ангелике, просил заняться с ним сексом или хотя бы помастурбировать ему. Когда Ангелика отсылала его куда подальше, Винченцо начинал умолять, а потом начал и угрожать. Ангелика думала сказать Алессандро о домоганиях Винченцо, но вместо этого решила уходить вместе с Алессандро на холм, а иногда и на рыбалку. Все равно это было лучше, чем сидеть сиднем в лагере, изнывая от безделья или слушая очередной бред со стороны Винченцо.

Часто, сидя на вершине холма вместе с Алессандро, Ангелика блуждала взглядом по далекому горизонту, плыла по посеребренной облаками бирюзе неба в надежде увидеть самолет. Надежда не покидала ее. Но с каждым новым днем она становилась все слабее и слабее. Никто не хотел говорить эти слова вслух – ни она, ни Алессандро, но было похоже на то, что этот остров будет их домом до конца их жизней. Ангелику пугала такая перспектива, но поделаться она ничего не могла, разве что пуститься вплавь в неизвестном направлении в надежде, что первая попавшаяся акула будет милостивой и убьет ее быстро и безболезненно. Но хоть надежда и решила ее оставить, жажда жизни все еще была в ней сильна, поэтому решиться на столь безрасудный поступок она не могла. Мысленно готовила себя к тому, что остаток своих дней она проведет на этом необитаемом островке, затерянном на бескрайних просторах Атлантики. От этой мысли она готова была плакать каждую минуту, только вот толку от слез, поэтому и не плакала. Против судьбы идти бессмысленно, особенно когда судьба забрасывает тебя на необитаемый остров. Здесь только одно верное решение – смириться и продолжать жить на этом клочке суши. В любом случае это лучше, чем изматывающее, сводящее с ума непрестанной качкой скитание по океану на утлом суденышке, даже не деревянном, а резиновом. Этим Ангелика себя и успокаивала. Что еще оставалось делать?

В такие безрадостные минуты Ангелика часто размышляла над тем, как ей жить дальше. Где – поняла, а вот – как... Но и тут выбор у нее был невелик. Или быть одной или с кем-то. Одной быть она не хотела. Это было бы ужасно, оказаться на необитаемом острове, да еще доживать век в одиночестве. А ведь ей-то всего лишь двадцать пять. У нее, по сути, вся жизнь впереди. Конечно, то, что эта жизнь пройдет на острове, омрачало – никаких походов в кино, никаких салонов красоты, бутиков, поездок за границу, городов, транспорта, друзей и много-много еще чего, особенно родителей и Леопольдо, но о Леопольдо она думала редко, память будто жалела ее, старые воспоминания в черед новых смазывались, превращались во что-то нереальное, будто и не существовавшее вовсе. И когда Ангелика смотрела на кольцо на пальце, подарок из прошлого, не чувствовала ничего, кроме безразличия к этому самому прошлому.

В общем, Ангелика знала наверняка, что доживать свой век на острове в гордом одиночестве она не хочет. Она – женщина, и как всякой женщине ей хотелось внимания и заботы со стороны сильного пола, да и, конечно же, защиты. И тогда Ангелика обязательно устремляла взгляд на Алессандро. Она вспоминала, как он заботился о ней на протяжении всего этого времени, пыталась вновь ощутить касание его рук на своем теле, как тогда, когда она ввалилась в шалаш некоего Джека Рами, продрогшая до костей, мокрая как курица. Почему-то в такие моменты память совершенно не думала подводить Ангелику. Она помнила все, что было связано с Алессандро, вплоть до мельчайших подробностей, особенно поцелуй. Но теперь девушка вспоминала о нем не как о чем-то противном, возмутительном, а как о чем-то теплом и приятном. Она даже улыбалась, когда думала о поцелуе. Что за странные метаморфозы?

Как-то они с Алессандро сидели на вершине холма и гуляли взглядом по зеленому морю внизу. Ангелика повернула голову к Алессандро и спросила:

– Алессандро, почему ты поцеловал меня тогда?

Алессандро явно не ожидал такого вопроса, на лице появилось растерянное выражение, которое вскоре сменилось удивлением.

– Почему ты об этом спрашиваешь?

– Мне интересно.

– Не знаю, – Алессандро пожал плечами. – Это как-то случилось само собой. Наверное, я просто обрадовался тому, что ты жива.

– Обрадовался? – теперь пришла очередь Ангелике удивляться. – Но почему? Мы же с тобой никогда прежде не виделись. Даже не были знакомы.

– Ты понравилась... Луизе и... – Алессандро посмотрел на девушку, сделал паузу, – и мне понравилась.

Ангелика улыбнулась, бросила взгляд в сторону океана.

– Когда мы с тобой разговаривали на могилке Луизы, я не говорил... точнее не договорил, – продолжил Алессандро, устремив взгляд в небо. – Я говорил, что после смерти моей девочки, я не знал, зачем мне жить дальше. Со смертью Луизы я утратил смысл жизни, но... но ты мне его вернула, – Алессандро посмотрел на Ангелику. – Ты стала моим смыслом жизни. Еще тогда в самолете я пообещал себе, что... что не допущу того, чтобы ты умерла. Я потерял свою малышку, но я не хотел потерять тебя. Возможно, ты рассердишься на меня за эти слова и возненавидишь, но я должен сказать то, что должен. Да, я знаю, это звучит эгоистично. У тебя был жених, но я не обратил на это внимание, думал только о себе. Уже потом в какой-то мере даже смог почувствовать удовлетворение от того, что самолет потерпел крушение... Это сумасшествие. Я знаю. Но, как я говорил, ты стала моим смыслом жизни, и... черт подери... я даже сейчас чувствую это удовлетворение, удовлетворение от того, что мы оказались на этом острове, а не где-нибудь на Бермудах или на Кубе. Будь иначе, я бы тебя потерял навсегда, утратил бы свой смысл жизни окончательно, а так у меня есть шанс... по крайней мере, я хочу верить в то, что у меня есть шанс добиться твоего расположения... Черт, прости меня. Я понимаю, это

все звучит так глупо, что мне от этого самому тошно и... Fuck! Пошло все к черту! Но я хочу, чтобы ты знала, что... что я люблю тебя, Ангелика, – Алессандро притянул к себе девушку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.